

Юлия Фирсанова

Буря приключений

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Юлия А. Фирсанова
Буря приключений
Серия «Джокеры – Карты Творца», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4238145
Буря приключений: Роман: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-1008-8

Аннотация

Принц Мелиор и принцесса Элия собираются на прогулку по Океану Миров. Первый задумал романтическое путешествие, вторая просто хотела сбежать от жары и назойливого поклонника. Но все планы разрушает неугомонный герцог Элегор, навязавшийся третьим. Этот, как обычно, жаждет приключений. Чем обернется плавание для богов, если свои планы на этот круиз имеют Силы, а в водах Лоуленда бесчинствует грозный пират Кэлберт? Ясно одно – скучать никому не придется!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Фирсанова

Буря приключений

Глава 1

Пренеприятное известие

Дабы не вводить в искушение пред грехом убийства ревнивых родственников, превративших охоту на любовников принцессы в одно из своих излюбленных жестоких развлечений, Элия еще до рассвета распростилась с очередным кавалером.

Теперь богиня любви, принцесса Лоуленда Элия Ильтана Эллийен дель Альдена, или попросту Элия, занималась вполне невинным с точки зрения любого, даже самого подозрительного наблюдателя делом: завтракала в постели, откинувшись на мягкую спинку кровати. Компанию ей составлял только большой поднос на подставке с магически охлажденными яствами.

Тончайший, коротенький кружевной пеньюар облегал тело богини, прикрывая его ровно настолько, чтобы баланс между двумя вариантами реальности – «Элия раздета» и «Элия одета» – чуть смещался в пользу последнего. Белоснежное шелковое покрывало было накинуто на стройные ножки. От движения шелк соскользнул с нежной кожи почти до лодыжек, но принцесса и пальцем не пошевелила, чтобы укрыться вновь.

В Лоуленде вместо предсказанного и клятвенно обещанного магами-синоптиками умеренно теплого, бархатного лета стояла адская, словно сбегавшая из какого-нибудь пустынного измерения демонов жара. Замок, опаляемый лучами безжалостного солнца, едва спасали чары-кондиционер, да и они уже начали время от времени отказывать, уступая мощному давлению естественных сил. Принц Рикардо лично занимался отладкой заклятия, но оно все равно упрямо сбило. Природа в очередной раз показывала жирный кукиш, намекая на то, что даже самые великие маги и боги пред нею не более чем ничтожные песчинки в пустыне Вечности.

Отпив глоток охлажденного сока синики, Элия мимолетно подумала: «Хоть что-то прохладное в этом мире еще осталось!» Сладко потянувшись, принцесса подцепила с тарелки тонкий ломтик ледяной дыни и отправила его в рот. Зубки надавили на мякоть, и пронзительно свежий кусочек лакомства словно растаял на языке.

Ничего существенного, а тем более теплого буквально не лезло в горло. Хотелось забраться в прохладную ванну и не показываться оттуда до осени, а уж подниматься с постели и одеваться было невыносимо лень. Принцесса откровенно позавидовала братьям. Здоровенные жеребцы, скинув камзолы и расстегнув или сняв тонкие рубашки – кому как позволяло воспитание и собственные представления о правилах хорошего тона, – подставляли тела немилосердно палящему солнцу, лишь посмеиваясь над мольбами о прохладе менее выносливых соотечественников. Самолюбивым богам выпал счастливый шанс в очередной раз поразить лоулендских дам своими потрясающими внешними данными, демонстрируя безупречное телосложение и великолепную мускулатуру. Словом, жара была принцам в удовольствие.

Богиня, напротив, никогда не любила переизбытка тепла, да и правила этикета, снисходительные к мужчинам, никогда не позволили бы ей щеголять по Лоуленду в топики выше пупка, коротких шортиках или еще более короткой юбчонке – одежде весьма популярной во многих урбанизированных мирах. Элия не питала особой симпатии к таким мирам, но признавала, особенно в зной, что их вольные традиции моды ей куда больше по сердцу.

В эти дни принцесса все чаще задумывалась над тем, чтобы напроситься в гости к брату Энтиору. Он единственный, не считая сибарита Мелиора, не жаловал зноя. Как только стало очевидно, что лоулендское лето будет небывало жарким, принц покинул раскаленный город и укрылся под прохладной сенью великого Гранда, в замке у благословенных лесных озер. Именно там брат пребывал и в настоящее время, оберегая свою аристократическую вампирскую бледность от случайного плебейского загара, развлекался охотой, чтением, дрессировкой непокорных рабов и составлением превосходных мозаик ситрасиль.

Бросив взгляд в окно, прикрытое легким нежно-голубым тюлем, Элия с безнадежной ясностью поняла: и сегодня, точно так же как вчера, и позавчера, и неделю назад, неумолимое светило с прежним энтузиазмом вершит ежедневный труд прожаривания столицы. Богиня поморщилась и почти собралась связаться с братом, дабы молить его о временном приюте. Энтиор редко отказывал своей единственной сестре. Но тут осторожный стук в дверь возвестил о приходе пажа.

Паренек поклонился, тряхнув густыми, ровными, словно завитыми иссиня-черными кудрями, и, потупив фиолетовые глаза, чтобы не оскорбить богиню случайным нескромным взглядом, доложил:

– Принц Рикардо желает вашему высочеству прекрасного дня и покорнейше просит аудиенции!

Принцесса уныло поразмыслила над благопристойной, а оттого вдвойне непереносимой для богини любви, обожавшей провокации, необходимостью встать и одеться во что-нибудь подобающее титулу. Но в конце концов решила, что жара – неплохой повод «забыть» о правилах приличия и этикете. Богиня беспечно махнула рукой на условности и небрежно приказала:

– Пусть войдет.

Ревниво насупившись (разве подобает прекрасной повелительнице принимать его высочество в постели?), мальчик аккуратно притворил дверь и отправился выполнять повеление хозяйки. Спустя пару секунд в комнату ворвался ослепительно-рыжий вихрь, окруженный заклятием Шатер Свежести, дарующим ощущение прохлады даже в самую лютую жару.

– Прекрасное утро или прекрасный день, дорогая, как будет тебе угодно! – радостно возвестил худощавый востроносый мужчина, ухватив из стоящей на маленьком столике вазы огромную гроздь прозрачного солнечного винограда без косточек.

Словно не заметив кресла, Рик с размаху плюхнулся на край кровати в ногах принцессы. Элия мимолетно порадовалась тому, что успела отослать поднос на кухню, а не то он бы неизбежно перевернулся, не снеся энергичных действий не массивного, но удивительно стремительного принца. И плавать бы богам в ярко-голубом соке вперемешку с фруктами. Впрочем, шутнику-братцу такая выходка наверняка пришлось бы по нраву, еще и облизать-почистить сестру небось попросил бы.

Шальные зеленые глаза рыжеволосого Рика тут же заскользили по дивным очертаниям женского тела, полускрытого пеньюаром. Наслаждаясь этим дивным зрелищем, мужчина механически бросал в рот и давил языком сочные, освежающие крупные виноградины.

– Прекрасное утро! Что принес на хвосте, рыжий лис? – приветливо улыбнулась Элия, ожидая услышать подборку свежих сплетен, без которых бог информации, магии и торговли в одном пронырливом лице никогда не являлся в гости.

– О, много любопытного! Вот тебе первая потрясающая новость: непобедимый Нрэн, как всегда без единой царапины, вернулся из похода на Санирсию этой ночью. И НЕ ОДИН! – пропечатал крупными буквами последнее предложение сплетник, привлекая повышенное внимание богини. – На кузене-воителе висела роскошная, обвешанная дорогими камешками красotka. – Свободной от винограда рукой принц нарисовал в воздухе контуры тела пред-

полагаемой пассивности бога войны. – Она не сводила с нашего дуболома влюбленных глаз и, – тон Рика сделался самую чуточку виноватым, – явно грезил только о том, чтобы поскорее отправиться с ним в постельку.

Принц говорил, а его хитрющие глаза исподволь пристально изучали сестру, пытаясь уловить малейший проблеск скрытой досады или ревности. Ведь вся семья, да что там семья, весь Лоуленд (столица точно, а там, может, и весь мир) знал, что Нрэн с ума по Элии сходит, и тут вдруг такое выкинул! Вот уж недаром говорят, что в котелке у воителей странное варево кипит, его и сам великий Творец не расхлебает! Рик заложил бы свой нос, чтобы узнать настоящее отношение богини к доставленной вести, но даже его божественного сверхъестественного чутья бога сплетен было недостаточно, чтобы уловить истинное отношение сестры к вопросу, прямо касающемуся ее дара.

Богиня, потянувшись к столику, на который переставила кое-что с сосланного на кухню подноса, взяла свой бокал. Спокойно отпила очередной глоток сока, подцепила на двузубую вилочку и отправила в рот кусочек кивара. Прожевала фрукт и беспечно обронила:

– Забавно, а есть в свежем выпуске «Вестника Рика» что-нибудь поинтереснее, чем биографические сведения об очередной «даме сердца» Нрэна? Мне, братец, отнюдь не столь любопытен перечень ваших сногшибательных побед на любовном фронте, как вам свежий список моих кавалеров.

– Да уж, это была бы знатная сплетня! – жадно подтвердил правоту сестры бог, слегка разочарованный ее безразличной реакцией, и тут же, отбросив разочарование, как использованную салфетку, припомнил массу других интригующих, курьезных и полезных сведений, способных заинтересовать Элию.

Из уст первого сплетника Лоуленда полилась информация о ближайших и, кстати, весьма неутешительных метеопрогнозах, из-за которых он, страдалец, вынужден скликать на сельские угодья дожди из ближайших миров, об очередной грандиозной военной добыче и сокрушительной победе гениального Нрэна, о новой, красивой, как игрушка, прогулочной яхте принца Мелиора, о вконец зарвавшемся ужасном пирате Кэлберте, бесчинствующем в Океане Миров и «вершащем разбой на потребу своей черной душе», о посольстве кочевников из пустынного Эндора, прибывшем в столицу вчера поздно вечером, о завозе в ювелирную лавку на улице Рассвета драгоценных уборов синтарийских ювелиров и о тысяче других интереснейших событий, случившихся в Лоуленде, его окрестностях, ближних и далеких измерениях.

Элия слушала брата, отмечая важные для себя сведения, и тихо бесилась: «Нрэн, сволочь белокрылая! Как он посмел?!»

Властная и эгоистичная собственница по натуре, принцесса спокойно относилась к тому, что Нрэн, как надлежит мужчине из темпераментного королевского семейства, развлекался в борделях или цеплял в походах случайных дружков и подружек. Но никогда прежде он не осмеливался притащить кого-то из своих любовников в Лоулендский замок, где живет ОНА! Какое хамство!!! Элия своей божественной сутью чувствовала, что кузен страстно любит ее, потому и избегает столь упорно, подолгу пропадая на полях сражений. Она привыкла считать Нрэна своей потенциальной собственностью, мужчиной, который рано или поздно окажется в ее постели, привыкла к его молчаливой, стеснительной, ревливой любви, которую бог почему-то считал неподобающей и преступной. А тут вдруг такой мерзкий сюрприз! Неужели влечение к какой-то смазливой смертной девчонке из далеких миров оказалось сильнее истинных чувств к великой богине? Невозможно! Невероятно! Исключено!

«Или этот негодник встретил «половинку»? – мелькнула у принцессы досадная и почти паническая мысль. – Тогда почему я этого не ощутила? Надо проверить, а пока следует прекратить беситься и успокоиться. Скорее всего, мерзавец притащил сюда эту дурочку, чтобы меня позлить, заставить ревновать! Ну, если так, держись, Нрэн! Не на своем поле ты

начал эту игру, не тебе сражаться с богиней любви! Я устрою тебе веселую жизнь. Смеяться будешь до слез, драгоценный кузен!»

Острые коготки молодой женщины, намертво вцепившиеся под шелковым покрывалом в невинную, готовую прорваться простынку, понемногу разжались.

– Ты просто бездонный кладезь информации, Рик, – мило улыбнулась принцесса, когда брат прервался на долю секунды, наверное, чтобы набрать побольше воздуха для следующей порции пестрых сведений. – А вот моя бедная голова уже безнадежно переполнена. Прежде чем запихивать туда что-нибудь еще, придется подождать, пока выветрится хотя бы часть имеющегося запаса. Спасибо, дорогой, но на сегодня хватит. А теперь, – пальчик Элии властно указал на дверь, – кыш из моей комнаты, я буду одеваться.

– О, злая судьба! О несправедливость! – горестно воскликнул бог, воздевая руки к гипотетическим небесам, посылающим ему столь жестокие испытания. – Ну почему, как только где-то намечается какое-нибудь интереснейшее событие, меня всеми силами стараются устранить от участия и наблюдения?

– Такова твоя тяжкая доля, бог сплетен! – Элия с наигранной суровостью нахмурилась и нетерпеливо прищелкнула пальцами.

– Что ж ухожу, ухожу, о жестокая и неумолимая сестра! Считаю, что меня нет! – поспешно, но не без сожаления заявил принц, вскочив с кровати и отступая к двери. – В смысле, нет в комнате, но я есть в замке, если передумаешь, позови обратно! Прилечу мигом!

А какой бы мужчина отказался попристутствовать на церемонии облачения в одежды богини любви, если уж нельзя было поучаствовать в куда более увлекательном обратном процессе? Но зарываться не стоило. Сегодня ему и так повезло! Мужчина сверкнул ослепительной улыбкой, послал сестре воздушные поцелуи с обеих рук, шутливо поклонившись, торжественно провозгласил:

– Для тебя, единственной, самые свежие слухи, самые интересные новости всегда, когда пожелаешь! – и исчез.

Когда Рик убрался ловить новые сплетни и распространять среди родственников эксклюзивную подборку уже собранных, принцесса решила, что пришла пора действовать. Она прошла в отделанную розоватым с едва заметными золотистыми вкраплениями мрамором ванную комнату. Поплескавшись в чуть теплой, освежающей воде маленького бассейна с ароматическими маслами апельсина и зандриса, богиня мановением руки наложила на себя уже ставшее привычным заклятие Кокона Прохлады и проследовала в гардеробную. Прелестной соблазнительнице предстояло решить маленькую головоломку: что надеть, дабы произвести на изменщика-кузена надлежащее впечатление?

Поразмыслив немного, богиня мстительно улыбнулась. Выбор был сделан. Элия призвала магическую силу звездного набора и облачилась в легкое, но непрозрачное и абсолютно закрытое платье из тонкого светло-голубого шелка. Вырез его едва открывал ключицы, а кружево длинных рукавов прятало маленькие изящные пальчики почти наполовину. Все, что сводило Нрэна с ума, принцесса скрыла, превратив из открытой провокации в намек, недоступную, а оттого еще более манящую тайну. Закончив с платьем, звездочки диадемы – дар таинственного Звездного Тоннеля Межуровня – проворно уложили густые длинные волосы хозяйки в строгую прическу без украшений. Элия бросила взгляд на свое отражение в зеркале и осталась довольна. Перед Нрэном должна была предстать великая и неприступная богиня, сияющая сверхъестественной красотой, пред которой меркла преходящая прелесть ничтожных смертных. Мотыльки-однодневки, разве могли они тягаться с НЕЙ?

Принцесса торжествующе улыбнулась своему отражению и проследовала в гостиную. Включив заклинание наблюдения за дверью в покои старшего кузена, Элия откинулась на

мягкие подушки дивана, приказала пажу принести поднос со свежей почтой и приготовилась ждать.

Попутно она быстро просматривала приглашения, любовные признания, деловые письма, счета, газеты. Впрочем, в последние после визита Рика можно было и не заглядывать.

Терпение богини было вознаграждено: вскоре прозвучал сигнал потревоженного заклатья наблюдения. Маленький магический «жучок» отделился от потолка и, повинувшись вложенному в него приказу богини, последовал за высоким лордом, покинувшим свои покои в обществе новой пассии. Чары видимости принцесса включать не стала, чтобы не портить первое впечатление при непосредственной встрече с предполагаемой конкуренткой.

Спустя пятнадцать минут принцесса звонко расхохоталась и чмокнула в нос опешившего от такой неожиданной ласки Диада. Пантера только что вернулась с ночной прогулки и как раз собиралась потихоньку уместиться у ног повелительницы на мягком ковре, чтобы в относительной прохладе вылизать слегка запылившийся густой мех и выкусить кусок противного репья, забившегося между когтями в подушечке лапы.

Богиня возликовала: хвала безупречной женской логике! Подтвердилась самая логичная и лестная из версий. Теперь Элия была уверена, что причина появления «любовницы» Нрэна – банальное стремление кузена пробудить ревность в сестре и позлить ее! А как еще можно было истолковать показания дотошного «жучка»? За истекшее время лорд, всегда перемещавшийся на редкость целеустремленно, отмеряя длинными ногами кратчайшее расстояние от одной точки до другой, и рационально (без проламывания стен в мирных условиях), успел четырежды протащить свою пассию мимо апартаментов богини.

«Решил сыграть по своим правилам на моей территории? Не выйдет, лорд воитель, и не рассчитывай! Сейчас я тебе устрою представление!» – сердито подумала Элия и, решительно отбросив очередной вскрытый конверт, скомандовала:

– Пойдем, Диад! Ты прогуляешься со мной, а потом мы поохотимся где-нибудь на просторе.

Умная зверюга покосилась на принцессу холодными бирюзовыми глазами с узкими вертикальными зрачками и поняла, что условия сделки не обсуждаются. Послушно прервав скрупулезный процесс выгрызания репья и чистки густого меха, Диад поднялся, дабы следовать за хозяйкой.

На ходу пантера умудрялась осторожно тереться об ноги богини в знак симпатии, но действовала она всегда настолько грациозно, что Элия еще ни разу не свалилась на пол от нежностей могучего любимца. Туда, как правило, больно падали все остальные, дерзнувшие проявить легкомысленное пренебрежение в обращении с огромным зверем. Диад любил, слегка придавив грудь перепуганной жертвы массивной бархатной лапой с приспущенными ножами когтей, внимательно, с исследовательским любопытством патологоанатома посмотреть ей в глаза. Большая часть жертв не выдерживали, пытались крепко зажмуриться и истошно завопить, призывая на помощь. Вот такая игра пантере была по нраву.

Из жалкого, грязного, перепуганного котенка, купленного когда-то за бесценок в порту, всего за несколько лет Диад превратился в шикарного зверя с мощной мускулатурой и шкурой цвета звездной ночи. В холке пантера доставала Элии до пояса. Впрочем, характер у питомца, как и полагается высокомерному существу, сознающему свою исключительную силу и красоту, был на редкость скверным. Проявлял он его со всеми, кроме любимой хозяйки, а это принцессу вполне устраивало. Как домашний любимец и компаньон богини, зверь мог рассчитывать на очень долгую и комфортную жизнь. Уют и тепло великолепный Диад любил не меньше Элии. Ради этого готов был терпеть многочисленные причуды хозяйки и с удовольствием участвовал в ее жестоких проказах. Говорят, кошки не способны

любить по-настоящему, но Диад души не чаял в своей двуногой повелительнице с сердцем истинной кошки.

Итак, прекрасная пара – могучий зверь и юная хищница в человеческом обличье – вышла на охоту. Стоило им покинуть апартаменты, как через несколько шагов, как раз напротив мраморной скульптурной композиции, изображающей обнаженного любвеобильного пастушка в окружении трех прелестных и столь же «одетых» пастушек, состоялось неизбежное столкновение, спланированное обеими сторонами, имеющими разные мотивы, но одну цель.

Лорд Нрэн – высокий, жилистый блондин с дикими янтарными глазами – словно по плацу маршировал по широкому коридору, волоча за собой очень симпатичную, яркую и фигуристую (Рик не соврал) брюнетку. Полупрозрачное обтягивающее алое платье с нашитыми на него крупными рубинами и гранатами едва прикрывало ее сдобные прелести. А пышный бюст так и вовсе почти вываливался из огромного даже по меркам Элии, обожавшей провокационные крайности, декольте. Синюющие глаза, опущенные густыми ресницами, с безграничным обожанием смотрели на воина. Пухлый рот полуоткрылся в восхищенном вздохе. Брюнетка словно жила только тем, что находилась рядом с лордом воителем, дышала с ним одним воздухом. Лицо же Нрэна до тех пор, пока он не увидел принцессу, было маской абсолютного бесстрастия, сквозь которое время от времени прорывалось тщательно скрываемое раздражение и напряженное ожидание.

«А девочка-то и в самом деле по уши влюблена в жестокосердного мерзавца. Что ж, тем хуже для нее», – мысленно констатировала Элия, вовсе не собиравшаяся устраивать семейное счастье соперницы.

Мгновенно убедившись с помощью чутья богини любви в том, что Нрэн по-прежнему без ума от нее, принцесса могла позволить себе немного жалости к поверженной в прах сопернице. А жалость девице действительно требовалась, ибо, увидев миляшку Диада, брюнетка получила серьезный шанс стать натуральной блондинкой, разом поседев от жестокого стресса. Мертвенная, типичная для привидений, но несвойственная обыкновенным людям бледность залила ее прежде тронутое румянцем волнения прелестное личико. Пухлый пунцовый ротик приоткрылся в беззвучном крике. Она, как в последнюю опору, намертво вцепилась в локоть Нрэна. А Нрэн, что Нрэн? Безнадежно влюбленный мужчина, не замечая никого и ничего вокруг, неотрывно таращился на Элию.

Каждый раз, возвращаясь из долгих отлучек, бог убеждался, что принцесса становится все прекраснее и прекраснее, все желаннее и желаннее. И все труднее становилось воителю сдерживать свои чувства и скрывать их под маской бесстрастия, раньше бывшего его истинной сутью. Лишь строгое воспитание, полученное в военных монастырях далеких миров, и привитые там же вместе с кодексом воина моральные принципы (вещь для Лоуленда и вовсе интригующая и диковинная) не позволяли неистовой любви бога вырваться на свободу, сокрушив бастионы воли.

«Она – кузина, кузина! О Темная Бездна, что за дикая мука!» Нрэн замороженно взирал на принцессу, на ее строгое закрытое платье и понимал, что сходит с ума от невыносимой жажды обладания.

Закаленного мужчину, легко переносившего и зной, и холод без всяких чар, мгновенно бросило в жар. Аромат женщины, ее собственный запах свежести, персика и диких роз, легкий отзвук апельсина и цветков зандриса дурманил, кружил голову, лишал рассудка. Нрэну хотелось опуститься на колени перед сестрой и целовать ее тонкие пальцы, ее руки, почувствовать их нежные прикосновения к своему телу...

Пока воитель был далеко от богини, неустанная жестокая боль разлуки и бесконечная тоска безжалостным огнем пытали его измученную загадочную душу. Стоило ему приблизиться к Элии, как прибавлялась боль другого рода – мучительное сознание собствен-

ной грешной любви. Жить становилось совершенно невыносимо. Но лорда все равно снова и снова тянуло к принцессе. Видеть ее и не сметь коснуться, дерзнуть заговорить о своей любви – не было муки сильнее. Но без этих терзаний бог уже не мог жить и ни за что на свете не согласился бы разлюбить, позабыть свою прекрасную истязательницу.

Девушка, висевшая на руке принца, внезапно показалась ему помехой, надоевшей, ненужной вещью, совершенно лишней в том мире, где должен был быть только ОН и ОНА – Элия. Безразлично-доброжелательный взгляд богини, скользнувший по его любовнице, открыл Нрэну глаза. «Силы, зачем я приволок сюда эту дуру?» – пришел на ум богу вполне закономерный, но до сей поры почему-то не всплывавший на сознательном уровне вопрос.

До этого момента Нрэн не отдавал, вернее, не решался отдать себе отчет в причинах столь несвойственного ему поведения. И вдруг бог ясно осознал всю нелепость ситуации, в которую загнал сам себя. Притащив любовницу из похода, он, безнадежный раб собственной страсти, пытался доказать сестре, что свободен. Доли секунды спустя Нрэн признал и вторую причину: ему ужасно хотелось заставить сестру ревновать так же бешено, как всегда ревновал ее он. Ревновал, когда на нее смотрели другие мужчины, когда она улыбалась им, кружилась с ними в танце на балах, вела беседу... Как он ненавидел всех этих красноречивых смазливых ублюдков, как завидовал им, мучаясь тайной робостью и не смея даже завести с кузиной ничего не значащего легкого разговора, страшаясь ее насмешки...

«Силы, что за глупость я натворил?! Чтобы Элия ревновала меня? Какая чушь! Да она вообще не обращает на меня внимания. Ей безразлично, с кем я путаюсь. Зачем я ей нужен? Болван! Идиот! Мужлан! Грубый солдафон! Как я могу быть интересен ей, когда вокруг столько красивых и остроумных мужчин?» – носились в голове Нрэна обрывки уничижительных мыслей.

Пока бог войны молча пожирал Элию взглядом, изнывая от любви и неистового, как всякое чувство богов, желания, белая как мел пухленькая брюнетка тщетно пыталась решить на практике абсурдную математическую задачу по умещению большего объема в меньшем: спрятать все свои пышные прелести за худощавую спину лорда. Получалось плохо.

Минуту интригующего молчания и душевных терзаний прервал тихий, можно сказать, вежливый рык Диада, который вывел девушку из ступора – первой стадии шокового состояния. Переходя ко второй, та испустила отчаянный звенящий вопль на ультразвуковых частотах, сделавший бы честь любой повелительнице баньши, и, все еще цепляясь за воина, начала медленно оседать на пол. Нрэн, не сводя глаз с кузины, машинально, словно тючок с товаром, перехватил девушку поудобнее.

– О, Нрэн, – расцветая в приветственной улыбке, мило защебетала принцесса, вся просто лучась доброжелательной радостью, – прекрасное утро, дорогой. Давно не виделись! Но хоть я и соскучилась, обнимать не полезу, извини! В этом сезоне жарковато даже для сестринских поцелуев и объятий. А кто эта прелестная малышка рядом с тобой? – Элия переключила внимание на расслабившуюся членами девушку, пребывающую в полубморочном состоянии. – Какая хорошенькая! Не бойся, дитя! Диад только с виду грозен, а так кроток, как котенок. Он никого не тронет... без моего приказа.

– Прекрасное утро, – сипло сказал лорд, только сейчас вспомнив, что обладатели дара членораздельной речи приветствуют друг друга при встрече, а на заданные вопросы дают ответы. – Это, это... – Как назло, такая мелочь, как имя любовницы, выскользнула из головы мужчины. – Власта, принцесса Санирсии.

– О, Нрэн, проказник, ты что-то скрываешь! – погрозила пальчиком кузену богиня любви, чуть сдвинув ровные дуги бровей и выпятив манящую к страстным поцелуям нижнюю губку. – Признайся, эта несравненная синеглазая чаровница взяла приступом крепость твоей души и пронзила каменное сердце воина стрелой любви. Ты намерен официально

представить ее нам как свою невесту, потому и привез в Лоуленд, да, кузен? – напористо пошла в атаку коварная принцесса, перестав грозить и легонько ткнув пальчиком в железную грудь лорда.

– Э-э-э... нет. Просто так привез, – нервно сглотнул мужчина и закашлялся, как чахоточный на последней стадии, чтобы скрыть замешательство и придумать хоть скольконибудь логичный ответ.

Элия не дала ему шанса.

– Он всегда такой таинственный, милая. Но я вижу по его лицу: в верном сердце Нрэна больше не осталось места для других женщин, – затараторила мстительная принцесса, довольно посверкивая глазами. – Когда же свадьба, милый? Вы уже назначили день? Наверное, сразу по окончании летнего перерыва в балах? Это будет грандиозное празднование! Я обязательно хочу быть подружкой невесты! А кого ты избрал другом – хранителем чести жениха? Какого-нибудь великого воина, одного из своих красивых, высоких и мужественных приятелей? Я немедленно желаю с ним познакомиться! Ну же, кузен, скажи хоть что-нибудь, не томи! – В нарочитом нетерпении богиня притопнула ножкой.

– Э-э-э... – мудро ответил Нрэн, оглушенный потоком слов, которые обрушила на него Элия, и переступил с ноги на ногу.

– Предпочитаешь скрытничать, жестокий? Ну ладно, ладно, не злись, – «пошла на попятный» богиня, взмахнув ресницами, ничуть не уступающими по густоте и длине ресницам девушки из Санирсии, но куда более благородного изгиба. – Можешь считать, что я не знаю твоего секрета и буду держать язык за зубами, как монах из Лшинь-э-ала, давший обет молчания.

Пока лукавая принцесса вдохновенно несла всякую чушь, заставляя кузена все более нервничать, пантера, в свою очередь, неторопливо обнюхивала Власту, перешедшую из полубоморочного в состояние полной апатии и обвисшую в руке Нрэна словно тряпочка на заборе. Девица даже не слышала ни одного слова из речи Элии.

– Ой, я совсем заболталась, – прищелкнув пальчиками, «опомнилась» принцесса, когда зверь, закончив третировать нервную чужестранку, вернулся к хозяйке и мягко ткнулся носом ей в бок. – Я же обещала Диад прогулку в мирах и охоту. Он, бедняжка, так страдает в своей черной шкуре от всей этой жары и духоты. Да и мне хочется поразмяться. Прекрасный день, кузен! До встречи!

Послав брату парфянскую стрелу улыбки, принцесса и ее кроткая, как горная лавина, милая, как улыбка дракона, и безобидная, как рассерженный принц Энтиор, зверюшка растворились в воздухе.

А Нрэн все еще стоял столбом, открывал и закрывал рот, ошеломленный напором кухни, ее неожиданной точкой зрения на ситуацию и бурей чувств, бушующих в собственной душе. О существовании «невесты» лорд совсем забыл и вспомнил лишь тогда, когда та несколько раз робко, а потом со все возрастающей силой потянула его за рукав рубашки. Очнувшись от сладких грез о кухне, он посмотрел на симпатичную принцессу Санирсии как на мелкое, но донельзя досадное недоразумение...

Элия и Диад материализовались на поляне в густом лиственном лесу одного из близких к Лоуленду миров, не населенных разумными существами. Именно такие места с обилием дичи и отсутствием нежеланных свидетелей богиня и ее питомец предпочитали для настоящей охоты.

Элия потрепала зверя по холке и подмигнула ему: «Умница, сделал все, как договаривались». Пантера оскалила длинные лезвия клыков в своем эквиваленте улыбки, несвойственной большинству зверей, но приобретенной ею в процессе жизни с богиней, и ткнулась холодным носом в руку принцессы, требуя еще ласки. Богиня благосклонно почесала Диада

за ухом, погладила по спине. Довольная кошка громко замурлыкала и выжидающе уставилась на повелительницу огромными бирюзовыми глазами. Дескать: «Пришла твоя очередь, хозяйка, выполнять свои условия сделки!»

«Сейчас, сейчас! Вижу, тебе не терпится, хитрюга», – лукаво улыбнулась Элия, и сама заразившись нетерпением.

Богиня прикрыла глаза и потянулась к глубинному источнику своей внутренней сути, призывая силу. На несколько мгновений неясное серебристо-синее волшебное марево окружило женщину. Когда дымка рассеялась, на укромной поляне оказались уже две огромные черные пантеры. Богиня приняла один из своих обликов. Тысячи по-новому услышанных звуков – далеких шорохов, шума ветра, вскриков птиц – и запахов: древесины, сока травы, свежих и давних следов животных, воды из протекавшего неподалеку ручья, шерсти Диада – хлынули в сознание богини.

Элия-пантера повернула голову и издала низкий горловой звук-мурлыканье. Диад ответил ей еще более низким приглашающим мявом. Обнюхавшись, великолепные звери слаженно и бесшумно, как тени-призраки из глубин Межуровня, скользнули в лесную чащу и понеслись большими скачками. Лапы мягко пружинили, касаясь травы или рыхлой после недавнего дождя почвы. Ноздри пантер, ловя дразнящие запахи дичи, хищно раздувались в предвкушении великолепной охоты. Любая добыча была по зубам столь могучим и стремительным охотникам.

Элия, как и все члены ее семьи, по желанию могла трансформировать свое тело, принимая облик существа любого пола, расы, внешности. Но одним из самых доступных было для богов обличье животного, чьи повадки и характер были наиболее близки внутренней сути. Для принцессы таким зверем стала аранийская пантера. Если же богине хотелось принять облик иного животного или человека, то затраты энергии на создание и поддержание непривычного обличья существенно увеличивались, напоминая: тот облик, что дал тебе Творец при рождении, и есть твой истинный облик.

Способность к оборотничеству, обычная для бога, являлась одной из сторон таланта трансформации исходного тела в любое другое. Лоулендцы могли менять свою внешность в рамках человеческого облика, но подобные изменения (истинная трансформация, а не простая магическая личина, надеваемая щелчком пальцев) считались дурным тоном, и к ним старались не прибегать в родном мире, среди родственников и друзей. Ибо, согласно одному из Законов Великого Равновесия, известного и Силам, и всем богам, внешность бога по воле Творца дана ему изначально в соответствии со структурой души, нравом, божественной силой и талантами.

На поведение в мирах негласное правило сохранения облика не распространялось. Там разрешалось творить что угодно, не нарушая лишь Законов Равновесия. Зачастую другое лицо было необходимо для выполнения заданий государственной важности, поручений Источника, для сохранения или восстановления самого Равновесия, даже развлекаться при собственной физиономии не всегда было удобно и безопасно. Ведь никогда не знаешь, когда и какая информация просочится о тебе в миры, друзья или враги встретятся по пути. Лучше уж заранее предусмотреть возможные эксцессы и перестраховаться, чтобы не стать жертвой многочисленных недоброжелателей или, того хуже, поклонников и адептов.

Члены королевской семьи Лоуленда были необыкновенно популярны в мирах не только как боги, в чьих храмах не переводились верующие, но и как герои многочисленных легенд, героических баллад и, разумеется, чертовой уймы анекдотов. Их имена давно стали нарицательными и вошли в поговорки: голоден, как Кэлер, красива, как Элия, проворен, как Джей, хитроумен, как Рик, и так далее. Если бы популярностью измеряли степень влияния на миры Уровня, то Источник Лоуленда был бы неизменным лидером «гонки вооружений». Почти никто из обитателей Мэссленда не пользовался такой сногшибательной известно-

стью, как дети семейки Лимбера. Но у любой монеты есть обратная сторона: подчас быть самими собой в мирах богам удавалось, лишь спрятавшись под личиной или трансформировав тело.

В целом же оборотничество для развлечения в обожавшем приключения и развлечения Лоуленде – как и в любом крупном Узле Мироздания – было в порядке вещей. Избранные формы родственников и друзей не являлись великим секретом. Принцесса знала, что излюбленная форма гибкого, пронырливого и вороватого Джея – сварливый хорек; неумолимого желтоволосого воина Нрэна – леопард; плутоватого, всезнающего, ушлого Рика – рыжий лис; добродушного бугая Кэлера – черный медведь; осторожного, скрытного и таинственного Тэодера – камышовый кот; хищного, безжалостного Энтиора, охотника и дознавателя, – ночной барс; тонкокостного, изящного Ноута – серебристый соболь; вдумчивого философа Ментора – сова; книгочех и историка Элтона – крупная рысь; изящного, вальяжного, но очень опасного Мелиора – белый тигр. Романтичный и ласковый кузен Лейм в своей животной ипостаси больше всего походил на обросшую длинной мягкой белоснежной шерстью маленькую лань. Известны были принцессе и излюбленные обличья многих дворян Лоуленда. Герцог Элегор, например, несмотря на внешне взрослый вид, до сих пор оставался волком-подростком с длинным нескладным телом и взъерошенной шерстью. И этот досадный факт, наглядно подтверждающий молодость бога, просто выводил Элегора из себя. Шутливое замечание Элии насчет того, что молодость – единственный недостаток, который пройдет со временем, герцога не успокаивало. Непоседливому дворянину всегда хотелось «все и сразу», он просто ненавидел ждать и терпеть!

– О возлюбленный мой господин и повелитель, – наконец донеслись до Нрэна слова Власты, и лорд понял, что настырная девка уже довольно давно и тщетно вызывает к нему, да еще и теребит его одежду.

– Что? – тяжело уронил слово-вопрос бог, глядя сквозь любовницу.

Поняв, что она услышана своим обожаемым господином, барышня затараторила, взмахивая ресницами:

– Вы, должно быть, были в трансе, говорили с Источником, Силами или даже с самим Творцом? А я вас все звала, звала... Ваша сестра такая красивая, только зверь у нее очень страшный! Такие клыки, глаза! Ой, ой! Я так испугалась! Никогда так не пугалась! Ой, – тут щеки девушки вспыхнули пунцовым румянцем, когда до ее головки наконец добралась информация, уловленная в минуты ужаса спинным мозгом (информация такого рода не способна пропасть бесследно для женщины), – она говорила, что я ваша невеста, господин мой. Но ведь это неправда?.. – Власта кокетливо потупилась.

Воитель со все возрастающей брезгливостью слушал дикую чушь, которую несла Власта, и недоумевал, каким чудом ему удавалось еще совсем недавно выносить непрерывную стрекотню этой смазливой дурочки. Уж лучше слушать, как над ним издевается Элия!

– Хватит, замолчи, – коротко рыкнул Нрэн, оборвав захлестнувший его бесконечный словесный поток.

Когда бог войны сердился, это быстро понимали даже самые тупые и примитивные существа и предпочитали, если не загибались на месте, оказаться как можно дальше от гневающегося воителя, который и в мирном расположении духа не был особенно обходительным и приятным в общении субъектом. Впрочем, в любом правиле есть исключения, и влюбленные женщины из их числа.

Принцесса Санирсии не побежала прочь, не упала в обморок и не обмочилась от ужаса. Власта лишь испуганно захлопнула пухлый ротик и расстроено заморгала, так и не дождавшись подтверждения мечтам о скорейшем бракосочетании, буйно расцветшим за несколько минут молчания любовника. Синие глаза заблестели от непролитых, но готовых хлынуть

градом слез – верного средства для укрощения жестоких мужчин, еще не испытанного на Нрэне. Воитель схватил спутницу за руку и бесцеремонно, почти грубо поволок в свои апартаменты. Больше половины шагов на пути к ним Власта сделала по воздуху. Захлопнув тяжеленную дверь из железного дуба – дерева, не горящего даже в колдовском огне, – и столь толстую, что не прошиб бы и таран, Нрэн щелкнул замком и брезгливо толкнул женщину в направлении отведенной ей комнаты, рывкнув:

– Соберись. Ты отправляешься домой!

– Почему, господин мой и повелитель? Ты недоволен мною? – заломив лилейные руки, никогда не державшие что-то тяжелее иголки для вышивания или вилки, всхлипнула Власта, преданно взирая на хозяина глазами побитой собаки и все еще до конца не веря словам лорда, потому что не желала им верить.

– Потому, что я так сказал, – отрезал бог, приведя свой излюбленный еще со времен воспитания Лейма неопровержимый стандартной логикой аргумент.

– Господин мой, умоляю, не отсылай меня! Господин, возлюбленный мой! Я не смогу жить без тебя! Заклинаю слезами Улиции, покровительницы отчаявшихся, позволь мне остаться, я буду делать все, что ты только велишь, позволь мне быть твоей служанкой, твоей рабой! Пожалуйста! Умоляю, мой повелитель! – Поняв, что принц говорит абсолютно серьезно, женщина зарыдала всерьез, без всякого притворства, с искренним отчаянием, и упала перед ним на колени, заелозила по жестким коврикам-циновкам прихожей, метя их тяжелыми черными кудрями, перевитыми гранатовыми бусами. Обхватила ноги бога руками, склонилась, пытаясь поцеловать его сапоги.

Лицо мужчины перекосила брезгливая гримаса отвращения (Элия никогда, ни за что бы не стала так унижаться и умолять!). Гадливо отшатнувшись от Власты, лорд презрительно бросил:

– Приведи себя в порядок, ты дурно выглядишь. Собери вещи. Даю тебе пять минут.

Резко отвернувшись, чтобы не видеть более опостылевшую женщину, Нрэн перевернул стоящие на высоком лакированном столике в прихожей нефритовые песочные часы, оплетенные золотыми нитями, и ушел в кабинет. Власта и незаметные тихие слуги воителя, возникавшие в поле зрения господина только тогда, когда он желал их лицезреть, услышали, как лязгнул тяжелый засов, страхуя хозяина от пустых просьб любовницы.

Почти упав в высокое жесткое кресло, лорд прикрыл глаза рукой, пытаясь привести в порядок разбредшиеся, словно репсы без пастуха, мысли. Любовницу срочно надо ото-слать. Срочно! Иначе он не выдержит и свернет шею этой тупой идиотке, чтобы больше не слышать ее глупой стрекотни и не видеть преданных глаз, подернутых влажной коровьей поволокой. О Творец Всемогуший, Элия, похоже, всерьез решила, что он должен жениться на Власте. А если принцесса что-то решила, то, как уже не раз убеждался мужчина, обязательно настоит на своем. Нрэн всегда был необыкновенно упрям, но ему никогда не удавалось переупрямить кузину. Или Элия пошутила? Лорд никогда не мог точно определить, говорит она серьезно или разыгрывает его... Нет, все-таки на сей раз она говорила очень серьезно. Какой же он болван: поволок в Лоулэнд эту походную подстилку из завоеванного королевства, осквернил, испоганил замок, где живет она, Элия. Элия... Как прекрасна сегодня была принцесса. Снова нахлынула волна страстного желания и неистового возбуждения, когда мужчина представил роскошное тело, скрывающееся под закрытым шелковым платьем, и позволил себе помечтать о том, как он ласкал бы его, если... Если б только она не была его кузиной...

Нрэн терзался тягостными раздумьями и сладкими преступными грезами, пока безупречные внутренние часы не подсказали ему, что пять минут давно истекли. Рывком поднявшись, лорд вышел из кабинета, схватил в одну руку несколько сумок, собранных рабами,

во вторую зареванную и упирающуюся Власту и телепортировался в королевский дворец Санирсии.

Бесцеремонно швырнув сумки и женщину на ковер в одном из пустующих покоев, небрежно рывкнул любопытной своре придворных, поспешивших на странные звуки:

– Позаботьтесь о своей госпоже! – и вернулся в Лоуленд.

Отделавшись от физического воплощения проблемы, бог пошел в ванную, шлепнул по крану и сунул свою светловолосую, распухшую от переживаний голову под мощную струю ледяной воды – незамысловатый, но испытанный способ немного успокоиться по-лоулендски. Вода, горький чай (ледяной или крутой кипяток – по настроению) и тренировки до изнеможения – таким способом Нрэн пытался сражаться со своими мучительными чувствами. Но методы эти приносили лишь временное успокоение. Нрэн чувствовал себя больным Красной Смертью – лихорадкой динельва, которого вместо истинного лекарства пичкают слабыми обезболивающими. Но рецепта последнего воин не знал или, уж если быть точным, смертельно боялся применить. Он скорее упал бы на меч, чем открыл прекрасной насмешнице кухне тайну своей мучительной любви.

Глава 2

Это сладкое слово – месть

Охота была удачной. Загнав быстроногую молодую лань, по глупости отбившуюся от своих сородичей и слишком увлекшуюся водопоем, пантеры жадно рвали зубами горячее, сочащееся кровью мясо. Диад по-джентльменски оставлял даме лучшие, на его привередливый взгляд, куски и конечно же печень. Жадничать не было нужды, лани с лихвой хватило на одну трапезу двум пантерам и еще осталось для мелких падальщиков. Насытившись, отяжелевшие звери подошли к извилистому ручью и под раскидистой ивой напились чистой ледяной воды, смывая с усов, морд и когтей свежую кровь и кусочки мяса. Потом Диад выжидающе посмотрел на повелительницу. Обьевшуюся пантеру изрядно клонило в сон, но в незнакомом лесу, даже если чувствуешь себя в нем хозяином, спать было слишком опасно.

Пантера-богиня ответила Диаду понимающим тычком в бок и скрылась в магическом мареве. Через считанные доли секунды Элия приняла человеческий облик и, захватив довольного питомца в поле телепортации, перенеслась в свои лоулендские покои. Пантера тут же вспрыгнула на тахту в гостиной и, свернувшись клубочком, погрузилась в дрему, переваривая сытный обед. Зверь настолько наелся, что не стал даже чистить шкуру, в которой местами запутались веточки и семена трав.

Принцесса с улыбкой посмотрела на своего разомлевшего питомца. Сама богиня в процессе трансформации тела преобразовала съеденное мясо в запас чистой энергии. Так, как правило, поступали все оборачивающиеся, чтобы не страдать из-за несовместимости объемов пищи с размерами желудка и чуждого настоящему метаболизму рациона. (Элия до сих пор помнила, как маялся животом младший братишка Лейм, нащипавший травы в обличье лани, пока ему не дали лекарственной настойки.) Женщина не чувствовала себя обьевшейся тяжелой пищей и готова была с удовольствием перекусить чем-нибудь более изысканным, чем сырое, пусть и наисвежайшее мясо. Блюда такого рода в истинном божественном облике включал в свой рацион лишь принц Энтиор, чьи вкусы сильно зависели от вампирской крови, текущей в венах.

Из-за разницы во времени между миром, избранным для охоты, и Лоулендом Элия вернулась домой под вечер. Солнце клонилось к закату, и ужасная дневная жара, ведя ожесточенные бои за каждый градус, медленно отступала. Город и замок, словно навеки застывшие в неподвижном янтаре зноя, начинали понемногу оживать.

Благодаря жаре семейные трапезы – один из стойких обычаев королевской семьи Лоуленда, раз в день собирающий всех родственников, находящихся в данный момент в королевстве, – были временно упразднены. Каждый питался самостоятельно, когда, с кем и чем хотел, если вообще хотел. Элия, как богиня любви и единственная, не считая склочной тети Элвы, дама в семье, пользовалась неизменным спросом в качестве компаньонки.

Братья соперничали за право пригласить принцессу к трапезе по двум причинам: во-первых, общество прелестной и остроумной женщины само по себе было весьма притягательно, а во-вторых, согласие Элии составить компанию существенно повышало личный рейтинг бога, удостоившегося этого самого согласия. Самолюбивые мужчины готовы были соперничать между собой в любой области, превратив конкуренцию в своеобразный вид спорта. Король Лимбер не имел ничего против развлечений такого рода, даже потворствовал им, полагая, что соревнования только умножают общую силу семьи, а следовательно, и государства. Элия была согласна с отцом, но иногда принцессу весьма раздражал тот факт, что ее благосклонность расценивается как переходящий приз. Но сейчас собственная популярность была юной богине на руку.

«Скоро зайдет кто-нибудь из родственников, чтобы пригласить к ужину», – подумала принцесса и, как поступала в большинстве случаев, решила отдать предпочтение тому приглашению, которое последует первым. Сегодня Элия была расположена флиртовать и кокетничать напропалую. Пусть Нрэн ревнует и злится, может, быстрее склонится перед ее чарами. А в том, что кузен прознает о ее развлечениях, принцесса ничуть не сомневалась. Лорд обладал какой-то сверхъестественной, прямо-таки компасообразной способностью определять местонахождение принцессы и, неожиданно явившись в самый неподходящий, с точки зрения общества, момент, безмолвно маячить в отдалении, убивая трассирующими очередями ревнивых взглядов кавалеров кузины.

Переодевшись в более подходящее для летнего вечера открытое светло-серое платье без рукавов, чуть тронутое серебряной нитью, перехваченное тонким пояском, изукрашенным жемчугом, Элия опустилась в мягкое кресло. Богиня сбросила шелковые серебристо-серые туфельки с подошвой из тончайшей кожи, и ее ножки утонули в мягком густом ворсе кремового ковра.

«Интересно, избавился ли Нрэн от своей красотки?» – задумалась принцесса, постукивая пальчиками по подлокотнику. Богиня со своей стороны сделала все возможное, чтобы навести кузена на гениальную мысль о неотложной необходимости этого поступка. Большие надежды принцесса возлагала на то, что Нрэн как огня испугается распространения вести о его готовности жениться на Власте. Милое словечко «жениться» у всех родственников Элии, опуская отца и дядюшку, непременно вызывало мгновенное несварение желудка и аллергию. Нрэн таким исключением не был и, зная настырность сестры, вполне мог сообразить: Элия, а вслед за ней и все братья изведут его ехидными подколками и вопросами о грядущем бракосочетании. Тем более никаких внешних признаков ревности кузина не проявила, значит, становилось очевидно даже такой странной личности, как Нрэн, что присутствие девицы в Лоулэндском замке неуместно. Выгоды никакой, одни неприятности!

«Впрочем, – решила Элия, – даже если кузен вытурил пассию из замка, я не намерена сию минуту возвращать ему свою благосклонность. Пусть негодник, заставивший меня сомневаться в собственной силе, помучается, поревнует, понервничает, хлебнет полной мерой последствий необдуманного поступка».

Дальнейшей формулировке основных постулатов партизанской войны с Нрэном помешал паж, явившийся с докладом о визите принца Мелиора. Удовлетворенно улыбнувшись, женщина решила, что изысканный красавец Мелиор – бог интриг и дипломатии, покровитель коллекционеров, знаток этикета, эстет, гурман и сибарит – как раз то, что нужно для дрессировки Нрэна.

Когда принц вошел в гостиную, Элия благосклонно протянула ему руку для поцелуя. Мелиор склонился в изящном, как любой его жест, поклоне и нежно коснулся губами тонких пальчиков принцессы.

Мужчина – живой идеал, словно сошедший со страниц «Высших правил этикетного уложения и наставлений», был, как всегда, прекрасен, а манеры его безукоризненны. Свое появление он рассчитал с точностью до секунды, придя ровно в тот миг, с которого считалось приемлемым вести разговоры о вечерней трапезе.

– Замечательный вечер, сестра, – приветствовал богиню мужчина, неохотно выпуская из своих длинных пальцев, полускрытых белоснежной пеной кружевных манжет, прелестную ручку сестры. Даже он сегодня не надел камзола, удовольствовавшись шикарной приталенной кипенно-белой рубашкой с широкими рукавами, сужающимися лишь у самых запястий. – Твоя дивная красота словно живительное дуновение горного воздуха среди плавающих от зноя камней замка.

– Прекрасный вечер, дорогой, – улыбнулась Элия, удержав готовое сорваться с острого язычка замечание насчет того, что прохлада брату дает освежающее заклятие, а вовсе не

созерцание богини любви, от взгляда на которую здоровым мужчинам с нормальной ориентацией положено сгорать в огне страсти, но уж никак не леденеть.

Принцесса небрежным кивком головы предложила брату расположиться в кресле напротив. Мелиор неспешно опустился на сиденье, раскинувшись с изящной небрежностью хищного зверя, прекрасно сознающего собственную силу и красоту. Поигрывая перстнем со светлым сиренитом на мизинце, бог промолвил, бросая на Элию косой взгляд из-под ресниц:

– Сестра, солнце ушло из восточной галереи пару часов назад. Сейчас там благодатная полутьма. Не согласишься ли ты отужинать со мной тет-а-тет? Сегодня я хочу сотворить для тебя нечто особенное.

– Пожалуй. И что же это будет? – заинтригованно спросила принцесса, слегка выгибая бровь.

– О, нечто в холодных тонах. Ты не пожалеешь, что согласилась. В последнее время я экспериментировал с холодными закусками и сладостями. Обещаю много восхитительных сюрпризов. – Принц таинственно улыбнулся, скользнув пальцами по витой нагрудной цепи черногого серебра.

– Звучит заманчиво... – протянула принцесса, соблазненная предложением бога-гурмана.

Мелиор торжествующе улыбнулся и перетек из кресла в вертикальное положение, чуть склонился, предлагая сестре руку. Элия едва коснулась ее, выпорхнув из кресла. Рука об руку боги направились в восточную галерею. Там, скрытые от посторонних глаз флером заклинания незаметности и отталкивающим барьером, стояли ломящийся от изысканных яств стол на витых ножках, застеленный белоснежной кружевной скатертью, и пара кресел алебастрового дерева. Кресла были удобными и в меру глубокими (иные бог-сибарит подсовывал только недругам). Для сестры же, случай редкостный, не любивший не только перенапрягаться, но и просто напрягаться Мелиор старался как для самого себя.

Если уж принц приглашал Элию на трапезу, то можно было смело утверждать: богиню ждет не заурядный ресторанный перекус, а настоящий шедевр гастрономии. Бог-гурман властью своей творил столь потрясающе вкусные и столь же красивые блюда, что подчас сии лакомства жалко было есть. Хотелось поместить их в заклятие вечной свежести и оставить для примера потомкам и поварам. Магический кулинарный талант являлся частью божественной сути бога-покровителя гурманов. Но на сей раз принц превзошел самого себя.

Брат и сестра отлично проводили время, наслаждаясь относительной прохладой, навеваемой легким волшебным ветерком, обществом друг друга и изысканной пищей, поданной, как и обещал принц, «в холодных тонах».

Остроумная беседа о новых пополнениях великой Коллекции Мелиора с показом фантомных образов особо интересных экспонатов, болтовня о первой в этом сезоне премьере в Театре Всех Миров отлично шла под яйца, фаршированные ветчиной и сырным кремом, паштет из телятины, тарталетки с куриным мясом, заливное из гусиной печени, несколько десятков видов салатов, персики с кремом, кофе глясе, многослойное желе, лучшие лиенские вина и, конечно, мороженое с орехами, шоколадной крошкой и жидкой карамелью.

Боги мило сплетничали о последнем скандале – безумной любви баронессы Ливилз дель Вэнс из восточной провинции Руманта и нового трагического актера с соболиными бровями и огненным взглядом черных, как ночь в новолуние, глаз. Мелиор всегда умел подать такие пикантные истории под нужным соусом и позабавить сестру. Упрямая в своих чувствах дама, большая (во всех смыслах, включая объемы фигуры) поклонница театрального искусства, уже больше луны засыпала короля душещипательными и многословными прошениями. Она чуть ли не штурмом брала кабинет короля Лимбера в приемные и неприемные дни, домогаясь с упорством, достойным лучшего применения, его положительной резолю-

ции на петиции. Монарх Лоуленда спасался за баррикадами, тщетно взывал к посмеивающейся в усы страже, бдительности секретарей и продолжал упорно сопротивляться.

Болтая о глупости и упорстве вдовицы Ливилэ, принцесса неожиданно почувствовала на себе чей-то тяжелый, как чугунная плита, взгляд, одновременно с этим ее захлестнула волна чужих чувств: ревнивая безнадежная тоска, желание, странная, мрачная любовь.

«Вот и Нрэн пожаловал, – подумала принцесса, сразу узнав виновника своего беспокойства. – Однако ты быстро спохватился, дорогой. Смотри внимательней, кузен, как нам хорошо вдвоем с Мелиором, поревнуй, дружок. Может, это отобьет у тебя охоту таскать в Лоуленд своих шлюшек и демонстрировать их мне. Пора бы тебе перестать игнорировать мои намеки».

Делая вид, что поправляет прическу в моментальном магическом зеркале, женщина слегка обернулась и увидела мужской силуэт в дальнем окне галереи. Мелиор тоже ощутил яркое излучение чужих эмоций (на его долю выпала ревнивая зависть, которую Нрэн и не думал скрывать). Проследив за траекторией излучения, принц опознал наблюдателя и иронично заметил, прикрывая язвительной шуткой легкий холодок опасений:

– Кажется, милая, наш кузен недостаточно отошел после последнего похода на Санирсию, его все тянет поиграть в разведчика.

– А кто мы такие, чтобы мешать ему предаваться этой невинной забаве? – беспечно пожал плечами Элия и спокойно вернулась к мороженому.

– Правда, драгоценнейшая, будем милосердны, не станем разочаровывать Нрэна, – согласился принц и «великодушно» предложил: – Сделаем вид, что ничего не заметили, а то наш великий воитель еще решит, что утратил квалификацию, и заколется с горя. Это нанесет непоправимый урон обороноспособности Лоуленда.

– Папа опять же ругаться будет, – задумчиво покивала головой богиня, аккуратно слизывая с ложечки подтаявшее и перемешавшееся со сливочной карамелью мороженое. – Что ж, решено, мы Нрэна не видели, пусть спит спокойно, наслаждаясь сознанием собственных грандиозных талантов.

И боги продолжили ехидную беседу, демонстративно игнорируя мрачное наблюдение воинственного кузена. Элия – с легким сердцем, а принц – пряча за показной беспечностью некоторую нервозность и нехорошие подозрения, касающиеся своих дальнейших взаимоотношений с ревнивым богом войны. Взаимоотношений, чреватых если не нарушением целостности физической оболочки, то уж чередой дополнительных тренировок наверняка.

Даже выбросив Власту из замка, охладившись под струей ледяной воды и испив пять больших чашек кипящего зеленого чая кряду из любимого фарфорового сервиза с золотой росписью, Нрэн не находил себе места от беспокойства, вызванного мучительными размышлениями, сводящимися к банальной, как всякие любовные терзания, фразе: «Я болван и солдафон, недостойный даже видеть Элию». Никакие занятия, включая заточку и полировку любимого меча, впрочем не нуждавшегося ни в заточке, ни в полировке, не могли отвлечь бога от горьких раздумий, так непохожих на обычные отстраненно логичные мысли.

Наконец лорд, руководствуясь некой противоестественной, неизвестной автору, Силам Двадцати и Одной и самому Великому Творцу мужской логикой, доступной, должно быть, только избранным гениям военного поприща, пришел к категоричному выводу: он должен сейчас же узнать, где находится принцесса, что она делает и, главное, с кем! Над тем, что данное умозаключение полностью противоречит всем выведенным прежде, мужчина не дал себе труда поразмыслить.

Стремительно покинув свои апартаменты, Нрэн на мгновение остановился у дверей, давая инстинкту ревности выбрать, в каком направлении начать поисковую работу. Вопрос решился сам собой, без участия сверхъестественных чувств. В конце коридора мелькнула

фигурка одного из рабов – маленького пажа. Только принцесса Элия да Энтиор держали детей-слуг для забавы, но вышколенный страхом и болью раб принца никогда не двигался бы по замку так беспечно, значит, паж принадлежал богине любви и мог раскрыть Нрэну секрет ее местонахождения. В долю секунды сопоставив все данные и решив действовать, лорд, словно леопард к добыче, метнулся к ребенку. В три шага догнав несчастную жертву, он легонько припечатал ее ладонью к стене, наклонился, взглянул прямо в расширенные от ужаса карие глаза и без обиняков спросил:

– Где сейчас твоя госпожа?

Через несколько секунд до насмерть перепуганного внезапной атакой бога войны паренька дошел смысл вопроса, и он, постукивая зубами от ужаса, прозаикался:

– Уж-жи-ннна-ет в-в во-во-сточ-ч-ной гал-ле-ррее.

Получив ответ, Нрэн моментально забыл о своей случайной жертве и понесся в указанном направлении, как грозовой фронт, подгоняемый штормовым ветром. Дрожа еще сильнее от воспоминаний о миновавшей угрозе, паж медленно сполз по стене, ощущая предательскую сырость в новеньких шелковых шафрановых штанах с кокетливым золотистым кантом.

Что и говорить, даже вид безмятежно спокойного лорда Нрэна отнюдь не способствовал сохранению душевного равновесия любого здравомыслящего существа. Общаться с богом войны без привкуса неизбежного страха могли лишь считанные единицы. В Лоуленде и прочих мирах Нрэну поклонялись, ему повиновались безоговорочно, признавали безупречный авторитет стратега, но никому и никогда еще в его обществе не было уютно. И взрослые люди без привычки с трудом сохраняли присутствие духа, что уж говорить о детях с их ранимой психикой. После прямого столкновения с Нрэном Лоулендского маленького пажа еще долго мучили ночные кошмары.

Домчавшись до стеклянных, в изящном переплете дерева и серебра дверей восточной галереи, опоясывающей часть этажа, воин приник к стеклу. Там на открытой вечернему ветерку площадке лорд увидел Элию и Мелиора. Они были только вдвоем, сидели рядышком за небольшим столиком и любезничали. Элия заразительно смеялась над тем, что увлеченно рассказывал ей брат. Да уж, Мелиор всегда умел красиво болтать! Принц томно улыбался, время от времени нежно касаясь кончиками пальцев обнаженного локтя сестры, чтобы привлечь ее внимание к каким-то особенно интригующим моментам в повествовании, наклонялся к розовому кораллу ушка принцессы, чтобы прошептать пару-другую фраз, словно ненароком касался ее волос... Заметив, как нога Мелиора, обтянутая легкой тканью черных лосин, придвинулась к принцессе и будто невзначай коснулась ее бедра, Нрэн заскрипел зубами, не в силах сдержать бешеной ревности. Будь на месте зубов камни, моментально стерлись бы в пыль, столь велика была ярость бога.

Воитель пристально вглядывался в происходящее на галерее, еще больше растравляя гноящуюся рану своей неистовой ревности и боли. В сумасшедшей от любви голове бога войны не нашлось даже крохотного местечка справедливым мыслям о том, что Мелиор имеет прав на общение с сестрой не меньше, чем он сам, и волен оказывать ей знаки внимания, а следовательно, причин для законной ревности быть не должно.

«Ну, Мелиор, ты за это заплатишь!» – твердо пообещал себе лорд, стискивая рукоять верного двуручного меча. Мрачная улыбка скользнула по крепко сжатым губам бога. Он уже знал, кого пригласит завтра поразмяться в тренировочном зале королевского замка. Пожалуй, шпаги с заостренными кончиками вполне подойдут!

Случайных любовников принцессы лорд, как правило, убивал без затей, впрочем, как и остальные братья богини, считавшие это дело не то своеобразным развлечением, не то видом спорта для избранных. Честного же вызова на дуэль, насколько вообще дуэль любого существа с богом войны могла быть честной, удаивались лишь особо выдающиеся экземпляры, сумевшие завоевать хотя бы крупницу уважения.

С братьями Нрэну приходилось сложнее. Убить их ему не позволяло чувство долга и абсолютная преданность семье, а оставить безнаказанными за заигрывания с кузиной – бешеная ревность. Наконец лорд нашел некий компромисс между двумя раздирающими его чувствами: пользуясь правом верховного наставника по оружию, он вызывал особенно раздраживших его ревностью родственников на тренировку по фехтованию для проверки уровня мастерства жертвы. Периодически проводить подобные проверки входило в круг обязанностей бога войны, а к своим обязанностям он относится чрезвычайно добросовестно.

Немного успокаивался Нрэн лишь после нанесения брату, осмелившемуся нагло ударить за Элией, многочисленных, но несмертельных увечий. Провожаемые строгой рекомендацией воителя больше внимания уделять занятиям с оружием, боги почти ползком покидали учебный зал. Даже при своей неумолимой регенерации лоулендцы вынуждены были отлеживаться в мирах после таких «занятий» как минимум пару недель, чего никогда не случалось, когда мужчины сражались между собой даже настоящим оружием. Такого рода развлечения члены королевской семьи практиковали регулярно, звон клинков в тренировочном зале редко смолкал надолго, но поскольку силы были примерно равны, то и серьезных увечий боги не могли нанести друг другу.

Иное дело – фехтование с Нрэном, достигшим сверхъестественных даже по меркам бога войны высот в своем мастерстве, давно перешедшем в ранг искусства. Быстрота и безупречная четкость его движений поражали воображение. В бою он перемещался с такой скоростью, что, казалось, возникал в одном месте тренировочной площадки, а через сотую долю секунды уже появлялся в другом, так же быстро мелькал и его меч. Рапира, эспадон, секира, чекан или алебарда – в руках великого воителя любое оружие было подобно пушинке. Никто в Лоуленде не мог даже мечтать составить лорду конкуренцию, да никто и не стремился к этому, хотя стон искреннего сожаления и срывался порой с уст детей Лимбера, уползающих зализывать раны после внушительных наставлений воителя.

Смех Элии, нежный, как звук серебряного колокольчика, все еще звучал в ушах счастливого принца, когда он, простившись с богиней у дверей ее апартаментов, неспешно шествовал к своим покоям. Полуприкрыв глаза, Мелиор мечтательно перебирал в памяти драгоценные мгновения сегодняшнего вечера и заключительного разговора за бокалом вендзерского. Принц самодовольно улыбнулся, остановившись полюбоваться на золотисто-синюю шпалеру, изображавшую сцену романтического свидания нежной девицы и пылкого воздыхателя. «Ковер» занавешивал вход в одно из маленьких укромных местечек замка – уютный уголок любви, временами посещаемый принцами или самим королем. Мелиор снова улыбнулся, коснувшись подбородка пальцами: жизнь восхитительна! Элия согласилась позавтракать с ним завтра утром¹.

Принцесса же, расставшись с братом, ненавязчиво расспросила своих вездесущих сплетников-пажей. Богиня узнала, что один из них до сих пор приходит в себя после столкновения с Нрэном, который выяснял о местонахождении кузины, и что новая пассия лорда-воителя куда-то исчезла из замка. Ей не заказывали на кухне ни обеда, ни ужина.

Дав пострадавшему мальчонке три выходных кряду и приказав немедленно сходить за успокаивающим сиропом в замковую лечебницу для слуг (неизвестно, что паж, пребывающий в шоковом состоянии, перепутает или разобьет), Элия позволила себе порадоваться. Великий план-розыгрыш удался! Это утешило самолюбие богини, оскорбленное изменой молчаливого поклонника.

Отослав жаждущих угодить мальчиков, Элия отправилась купаться перед сном. А что еще оставалось делать «несчастной» богине любви, если в почте, которую она просматри-

¹ В Лоулендском замке утро наступает не раньше одиннадцати часов.

вала после завтрака, не нашлось ничего достойного высочайшего внимания? Нет, конечно, признаний, как всегда, оказалось в избытке, но ни одного способного по-настоящему заинтриговать принцессу не нашлось. Итак, старые приятели поднадоели, новых знакомых, достойных чего-то большего, чем легкий флирт, не появилось.

Иногда становилось скучно даже богине любви. Ведь наступила летняя пауза в официальных и открытых балах, не любимая Элией. Для кокетливой принцессы это значило неизбежное сужение территории «охоты». Разумеется, оставались еще рестораны (любимый вампирский «Закат» с его мрачно-чувственной атмосферой, экзотический и яркий «Южное солнце», изысканный и романтический «Роза удачи»), масса милых кафе, разбросанных по улочкам Лоуланда, роскошные пляжи с белым песком у океана, Театр Миров и другие увеселительные заведения города, не говоря уж о бесконечной веренице измерений.

Но сейчас Элии хотелось развлекаться именно в Лоуланде. Она совсем недавно уже навестила нескольких любимых миров и вдоволь наигралась там, удовлетворив профессиональную тягу. Особенно наслаждалась богиня интригой, закрученной в Фаллоне, где под семью разными личинами крутила любовь с тремя кавалерами одновременно: красавчиком герцогом, королевским палачом и придворным менестрелем. Попутно ветреная богиня жестоко отказывала в милости самому королю, его брату, наследнику и архонту храма Справедливости, почему-то решившему, что высшей справедливостью будет любым путем заполучить в свои объятия соблазнительную красотку, плюющую на него. Игра была долгой и увлекательной, но она завершилась, Элия без сожаления покинула Фаллон, чтобы больше никогда туда не возвращаться, и прибыла домой.

Принцесса твердо придерживалась обычая, возведенного в ранг правила: между длительными эскападами в измерения непременно следует возвращаться в Лоуланд, в те края, где знают и принимают тебя настоящую, без всяких личин, чтобы не заплутать между масками, набрасываемыми на миг, и истинным обликом.

А что лучше, чем родина – жестокий, вечный, прекрасный Лоуланд, – способно напомнить богу о его подлинной сути?

Богиня выросла в Лоуланде, воспринимая все происходящее в нем как должное, и только спустя несколько десятков лет и тысячи странствий по мирам осознала контрастность Мира Узла, его жизни, замешенной на красоте, величии, силе, равнодушной или творческой жестокости. Осознала, но не отринула. Разве могла она упрекать брата за проявление сущности бога боли и извращений? Богам не дано сдерживать свою божественную суть. Элия принимала и свой мир, и родичей такими, какие они есть, с их жизнелюбием, колким остроумием, элегантностью, смертоносным обаянием, веселой жестокостью, страстью к насилию и «дикой охоте», легенды о которой жили во многих мирах.

Встряхнувшись, богиня заметила, что размышления увели ее слишком далеко в глубь себя, заставив утратить связь с реальностью. Материальный мир напомнил о себе ударившейся в философию принцессе: приятно теплая вода почти остыла, пышная абрикосовая пена опала и плавала по поверхности жалкими островками бывшего величия. Женщина вылезла из ванны, закуталась с ног до головы в пушистое полотенце, подождала пару секунд, пока оно, снабженное простенькими чарами, впитает воду, и, не накидывая пеньюара, побежала в спальню. Шелковые простыни уже ждали ее.

– Прекрасной ночи, Творец! – как обычно, тихо прошептала принцесса и, закрыв глаза, задумчиво добавила, имея в виду родственников и себя: – Творец великий, какие мы сволочи. За что же я люблю их?

Как всегда случалось при упоминании Творца, на мятущуюся душу юной богини снизошел покой и пришел мудрый ответ: любить, зная сущность любимых, куда труднее, чем делать это, слепо закрыв глаза. Боги живут по своим законам, их поступки и мораль неподсудны людской молве. Для них лишь Суд Сил и самый жестокий, собственный суд. Пока ты

отдаешь себе отчет в каждом, даже самом ужасном своем поступке и готов за него платить, пока ты играешь в жизнь и жизнью, безумно любя и одновременно ни во что не ставя ее, пока ты смеешься над тем, над чем люди смеяться не в силах, и щедро даришь свою силу мирам – ты бог. И не будет тебе покоя. Покой – удел мертвецов, а бог беспокоен вечно. Любовь, ненависть, дружба, бешеная вражда, преданность и вероломство, нежность и жестокость – все у богов через край. И это тоже суть бога! Следуй ей, и в этом участь, назначенная Творцом!

Улыбнувшись и словно внезапно на что-то решившись, а может быть, повинувшись загадочному зову женской интуиции, богиня откинула атласное, чуть толще простыни одеяло и спустилась с кровати.

Как была нагишом и нисколько не стесняясь своей наготы, Элия отправилась к дверям апартаментов, выходящим в коридор. Распахнув одну створку, она увидела в нескольких шагах от дверей худощавого мужчину в непривычных глазу лоулендца черно-белых слоистых одеждах и таком же тюрбане. Он пристально изучал скульптурную композицию «Пастух и девицы», у которой утром состоялась встреча Элии с пассивной Нрэна. Тот, что стоял рядом со статуями сейчас, понравился богине гораздо больше. Принцесса сразу обратила внимание на жесткий ястребиный профиль и прозрачно-зеленые глаза на загорелом до бронзы лице незнакомца. Богиня выскользнула в коридор и, призывно улыбнувшись, пальчиком поманила мужчину за собой. Надо отдать незнакомцу должное, он сориентировался почти мгновенно. Легкое изумление на лице быстро сменилось восхищенным желанием. Метнувшись к женщине, словно тигр к добыче, он легко, как пушинку, подхватил ее на руки и внес в комнаты, небрежно подцепив носком и захлопнув пяткой дверь. Так же стремительно мужчина, не отпуская принцессу из объятий, нашел дорогу в спальню...

Незнакомец, хвала божественной интуиции, оказался отличным любовником: сильный, терпеливый, умелый, достаточно опытный для того, чтобы заботиться о наслаждении женщины, ценящий разнообразие и фантазию. Приподнявшись на локте, Элия рассматривала свою случайную находку в свете полной луны, посеребрившей легкий тюль на окне.

Привольно раскинувшись на простынях, мужчина чутко спал, его рука по-хозяйски лежала на бедре принцессы, словно и сейчас он утверждал свои права на любовницу. Черные волосы, заплетенные в несколько косиц, разметались по подушкам. Он был прекрасно сложен: сухощавый, но не худой, а скорее поджарый, ни одной лишней жиринки. Тонкие кисти рук с длинными пальцами – если б не мозоли от меча, настоящие руки музыканта. Бронзовый ровный загар покрывал кожу, словно какой-то жгучий огненный ветер, выплавивший тело в своем горниле, заодно опалил его снаружи.

«Могу биться об заклад даже с Джеем, мужчина из Эндорского посольства, только им разрешено останавливаться в замке», – окончательно уверилась в своей догадке женщина и принялась с удвоенным удовольствием собственницы рассматривать своего нового любовника. Под мышкой у незнакомца оказалась ритуальная татуировка – стоящая на хвосте змея шшург.

«Ой! – сообразила принцесса, вспоминая занудные уроки международной географии лорда Ллойда и соединяя их с самостоятельно выхваченными из нескольких книг по Эндору деталями. – Такое украшение может быть лишь у советника Великого Хассиза – Повелителя Свободных Кочевников. Выходит, этот парень – не заблудившийся стражник, решивший поглазеть на диковины замка, а глава посольства. Вот незадача! – Элия с досадой прикусила губку. – Проклятие Бездны на их строгие и до невозможности причудливые обычаи, в которых не путаются только вазирь – эндорские шаманы, блюстители традиций. Как бы такое легкомысленное поведение принцессы Лоуленда не было воспринято несколько неадекватно. Эти эндорцы такие чудные! Будет досадно, если моя шутка нарушит папины дипломатические планы. Придется все-таки отправляться подальше в миры. А для начала

нужно замести следы, пока советник Хассиза не пробудился, чтобы выяснить, с кем именно он провел ночь!»

Первым делом, используя не магию, но Закон Желания, женщина отправила незнакомца, его одежду и прочие личные вещи в отведенные послам комнаты. Надо сказать, оружия на эндорце оказалось едва ли не больше, чем тряпок, зато сразу стала понятной мода на развевающиеся одеяния. Под тесной одеждой такого мощного арсенала, сделавшего бы честь самому Нрэну, не спрячешь. Не знай богиня, что таскать на себе как можно больше режуще-колющих предметов в обычаях этого народа, она могла бы легко заподозрить посольство в недобром намерении малым числом перерезать нынче ночью всех обитателей королевского замка.

Избавившись от «тела» и массы атрибутов, его сопровождающих, Элия вздохнула свободнее и решила, что должна покинуть Лоуленд сразу же после завтрака с Мелиором (обещанное надо выполнять). Принцесса вознамерилась не появляться дома до тех пор, пока здесь околачивается злополучное вооруженное до зубов посольство. Радовало только то, что, как правило, в столице чужаки надолго не задерживались. Лимбер терпеть не мог пустых нахлебников и приживал. Негласным девизом короля, вынужденного поддерживать колоссальный объем дипломатических связей, было: подписали договор, уладили дела и валите домой.

Касательно того, куда отправиться, Элия пока не приняла окончательного решения. Но если Силы Судьбы и Удачи не подкинут неожиданного шанса, перетасовав колоду Случая ради лоулендской богини, она рассчитывала отсидеться в каком-нибудь из своих замков или в гостях у родичей. Даже самые нелюдимые из них становились гостеприимными, если речь заходила о сестре.

У самой принцессы, как и у всех членов семьи, было несколько избранных мест, где она предпочитала проводить время. По крайней мере один замок в пределах Лоуленда и энное количество в обитаемых или не заселенных разумными существами мирах. В этих убежищах, устроенных богами по своему вкусу, гостили друзья, нередко родственники, жили любовники и любовницы, домашние питомцы, туда стаскивались приглянувшиеся вещи, мебель, украшения, безделушки, там использовались самые разнообразные чары. Замки служили не только сокровищницами, но одновременно и обителью уединения. Используя силу творения, фантазию, почти безграничные по меркам людей финансовые возможности, боги превращали свои избранные убежища в настоящие произведения искусства.

Принцесса сравнительно недавно, в двадцать пять лет, получила первый лоулендский замок в подарок от отца. Да и в мирах у нее было пока лишь три владения, которые она только-только закончила обставлять по своему вкусу. Один замок – самый укромный – в безлюдном мире Эйт, где она предпочитала пребывать без слуг и друзей, наедине с собой. Там все делала магия. В этом месте женщина углублялась в изучение сокровенных тайн великого волшебства, рисовала, отдыхала от общества людей и богов, на Эйт допускался лишь питомец богини – Диад.

В другом измерении, Олонеэ, особняк богини стоял на улице Роз в шумном городе, где при желании можно было сыскать любое развлечение, какое только взбредет в голову. Вольный, веселый мир стал для принцессы настоящей находкой. Там жили существа, хорошо владеющие магией, ценящие свободу, юмор и легкость нравов, не мешающие жить другим, но готовые в случае необходимости постоять за себя. Недаром Олонеэ находился под покровительством Сил Невмешательства из Двадцати и Одной, что делало его таким демократичным, и Эроса, что обуславливало так прельщавшую богиню любви свободу нравов.

Лельтис, третий мир величественного древнего леса, бескрайних разнотравных лугов и высоких гор, где жили эльфы, дриады, русалки, воздушные зефириды и другие народы

природы, принцесса взяла под свое покровительство и выстроила там замок, повинуюсь прихоти, а быть может, и воспоминанию о Меллитэле – своем первом задании Источника.

Сейчас Элии не хотелось заглядывать ни в один из любимых миров. Не так давно она побывала в каждом из них, но если не останется выбора, то придется. Впрочем, на Эйте, Лельтисе, Олонезе или во владениях кого-нибудь из родственников она все равно дивно проведет время. Молодая женщина удовлетворенно вздохнула и, растянувшись на мягкой постели, настроилась посмотреть несколько радостных снов.

Поначалу богине привиделся бесконечный простор великого океана. Теплые воды нежно, словно в уютной колыбели, качали на волнах ее невесомое тело, веял легкий ветерок, ласковое солнышко скользило по коже. Было так хорошо и покойно, но неожиданно все изменилось. Из ниоткуда налетел сильнейший шторм. Вода потемнела, грозно вздыбились валы, ветер словно взбесился. Он подхватил принцессу как игрушку, вырвал из объятий воды, закружил в кровавом вихре и понес. Рядом с собой богиня мельком уловила смутные очертания еще трех теней.

Резко открыв глаза, Элия обнаружила себя по-прежнему лежащей в постели поверх одеяла. После дикого воя шторма ночная тишина и мирный свет луны казались искусственными декорациями. Но уже через три вдоха богиня вернула себе ощущение реальности, и обстановка обрела прежнюю натуральность.

«Силы, что значит этот сон? – задумалась Элия, сев на кровати и подтянув колени к подбородку. – Может быть, раскинуть руны или разложить колоду? – Богиня прислушалась к себе, но желания взять в руки прохладные камешки или жесткие пластинки карт не возникло. – Нет, лучше не надо».

Отбросив беспокойные мысли и сомнения, принцесса утешилась соображением о том, что причина невнятного сна – слишком большая доза философских раздумий на ночь и дневная жара. Но в глубине души Элия отлично понимала, что сон вещий, просто гадать, разъясняя предсказание, почему-то не хотелось. Принцесса чувствовала, что это будет неправильно, а своей интуиции женщина доверяла безоговорочно. И сейчас некие глубинные струны души богини напряглись в ожидании того, что предвещало странное видение. Элия чувствовала, что придет беспокойство, возможно, потрясение, но не зло. Сон не нес в себе мрака. Хотя и выглядел мрачно, если смотреть на него с точки зрения того, кто боялся стихийных сил. Но богиня-то всегда любила их буйство и, если суждено было разразиться буре, не собиралась прятаться от нее или пытаться развеять туман будущего через предсказание, как частенько поступали люди, но отнюдь не боги.

По мелочам предсказывать могли многие, хоть и не умели управлять даром. Но настоящие пророки, истинный Голос Творца, появлялись исключительно редко. Они предвидели вероятностный путь и многовариантность развития целых миров, других богов и даже Сил. Эти боги творили своими пророчествами историю. Сейчас, насколько знала принцесса, богов такого дара не было в ближайших Вселенных, или они исключительно хорошо прятались от досужего любопытства людей и Сил. Далеко не каждый хотел видеть пророка с мирными целями, находилось немало фанатиков, жаждущих крови провидца, почему-то полагающих возможным отвлечь неизбежный приход предсказанной катастрофы ценой убийства самого предсказателя. Элия не видела никакой логики в подобных поступках, но одобряла желание пророков не афишировать свои таланты ради самосохранения и во избежание тесного знакомства с холодным оружием и горячим огнем. Почему-то, насколько слышала богиня, провидцев предпочитали резать и сжигать, топили и вешали меньше, возможно, боялись схалтурить.

Пророческий дар самой Элии, проявившийся очень рано, был одним из составляющих ее таланта богини логики, основанным и на интуиции. Дар предсказания принцессы не был особенно силен, но не раз спасал от неминуемой гибели в ситуациях, когда один неверный

шаг избавил бы молодую богиню от заботы о телесной оболочке. Он давал ощущение верного пути, не в мелочном, житейском его понимании, а с точки зрения прядущейся паутины Судьбы и Равновесия Вселенных, предостерегал от смертельной опасности и указывал на приближение поворотных точек в судьбе. Элия нутром чуяла, что ее сон относится к последнему разряду, и это радовало принцессу.

Элия потянулась, деловито кивнула самой себе и вновь опустилась на ложе, расслабив мышцы; пальцы скользнули по атласу одеяла на шелк простыни и замерли там. Вещий сон сделал свое дело – предупредил, и богиня вновь отправилась в страну грез. Что толку полуночничать? Вряд ли Мелиор сильно обрадуется, если его встретит утром злая, всклокоченная, невыспавшаяся сестра с воспаленными пророческим бредом очами. Беспокойство в ожидании неких гипотетических неприятностей – пустое занятие, свойственное людям, трепещущим перед призраком грядущего, было почти чуждо богам, полагавшим, что жить следует в удовольствии и с удовольствием, для этого она, жизнь, и дана.

Когда пришел Мелиор, чтобы проводить ее на завтрак, странное ощущение, оставшееся в душе богини после загадочного сна, рассеялось. Женщина была полна жажды жизни, утренней бодрости и выглядела просто ослепительно. Белое платье и алмазы весьма способствовали усилению сияния прелестной богини.

– Прекрасное утро, сестра! – изящно поклонился сияющий от счастья принц, приветствуя Элию, мысленно не без кокетства отмечая, что его белое одеяние чудесно гармонирует с облачением принцессы. Паж не зря получил свою пригоршню диадов.

Блондин в белой рубашке, застегнутой на алмазные пуговицы, брюках оттенка слоновой кости с серебряным шнуром и замшевых белых полусапожках выглядел не менее умопомрачительно. Конечно, к этому одеянию очень подошел бы короткий атласный плащ, отороченный мехом снежного горноста, но даже франт Мелиор счел эту деталь туалета лишней в жуткую летнюю жару. Серебряный обруч скреплял свободно распущенные по плечам волосы принца.

– Здравствуй, дорогой! Я уже умираю от любопытства и желания попробовать, что ты приготовил сегодня. – Нежные губы женщины коснулись щеки брата. Изящные ноздри раздулись, уловив тонкий и свежий, легкий запах духов принца.

– Надеюсь, мне удастся тебя приятно удивить, дражайшая сестра, – промурлыкал польщенный Мелиор, сопроводив свои слова легким полупоклоном.

Принц распорядился сервировать завтрак в одной из лесных ротонд Садов Всех Миров Лоуленда. Там под густым пологом раскидистых деревьев все еще прятались остатки утренней прохлады, которую неумолимое солнце уже начало вытеснять из тщетно сопротивляющегося мира. Идти рука об руку по укромной тропинке, вдыхая ароматы леса, было приятно. Боги не торопились, они не чувствовали настоящей потребности в пище, эта трапеза была в большей степени поводом насладиться обществом друг друга, чем причиной встречи.

Глядя на то, как, скользя чуть впереди, принц бережно отводит изящными пальцами ветку с лесной тропинки, чтобы она могла пройти не нагибаясь, принцесса невольно подумала: «Удивительно, но здесь, в лесу, придворный франт Мелиор не смотрится неуместно. Быть может, потому, что настоящая его суть скрывается под маской сибаритствующего эстета, как клинок великолепной закалки в бархатных ножнах. Они тоже настоящие, не подделка, но лезвие не рассмотреть хорошенько, если не извлечь из ножен. Сейчас мне кажется, что я вижу проблеск стали. Мелиор выглядит как зверь, красивый и смертоносный одновременно, да он и является таковым. Белый тигр в своем человеческом обличье. И что с того, что он едва касается ветки? Эти пальцы с легкостью вяжут узлы из железа, без жалости вонзят кинжал в трепещущую плоть врага или, что вероятней, с небрежной элегантностью бросят в бокал щепоть смертельного яда. И мне это нравится!»

– Кстати, к слову о вчерашней теме, мне вспомнилась одна безделица, – продолжил светскую беседу принц. – Сегодня Рик свежие сплетни принес. Помнишь, около полугода назад, четырнадцатилетняя дочка графини Дерек сбежала с каким-то актеришкой? С собой они прихватили большую часть фамильных драгоценностей. Вчера эта юная особа вернулась в любящие родительские объятия, правда уже без драгоценностей и без чести.

– И братья раздумывают над тем, настолько ли свежа девица, чтобы уделить ей толику своего внимания, а если барышня по-прежнему недурна, то кто именно будет первым, – констатировала Элия, подведя эскападу молоденькой графини к логическому концу.

Мелиор невинно улыбнулся и ничего не ответил. Зачем? Ведь сестра и так все сказала сама. Она слишком хорошо знала родичей, чтобы сохранять иллюзии относительно их благородства и чистоты помыслов. Если никто из принцев не успел соблазнить девочку до ее побега, то теперь они не упустят своего. Репутация молодой графини все равно испорчена настолько, что выдать ее замуж мамочка Дерек сможет лишь в далекий провинциальный мирок, за какого-нибудь заводчика ребсов с титулом барона, претензиями на родство с лоулендской знатью и руками по локоть в навозе. Конечно, барышня Дерек тоже довольно ясно представляет себе перспективы и выгоды брака, но все же они казались ей более радужными, нежели странствия по Дороге Миров без иных средств к существованию, кроме продажи собственной плоти. Если уж продавать себя, то один раз и как можно дороже. Принцесса предвидела, что юная графиня в последние серебряные денечки свободы будет развлекаться на полную катушку, а старая графиня, отнюдь не глупая женщина, вряд ли станет мешать дочери, лишая ее возможности позабавиться. Если будущему мужу вздумается предъявить впоследствии какие-то претензии семье супруги, Дерекки начнут дружно ахать и ссылаться на демоническое обаяние и всемогущество принцев Лоуленда, дескать, соблазнили, околдовали и бросили несчастную девушку, развратники, лишили кроткую голубку главного сокровища. Свидетели, готовые подтвердить сей процесс, найдутся в изобилии. Так что принцы могли портить репутацию юной графини в свое удовольствие ради истинного сохранения этой самой потрепанной части имиджа легкомысленной девицы. Нечасто им удавалось беспрепятственно развлекаться с молоденькими дворянками Лоуленда, которых родители во всей красе демонстрировали на балах, но берегли от соблазнитель-принцев пуще, чем стражи королевскую сокровищницу. Впрочем, боги любили трудности и с удовольствием их преодолевали.

Пока Мелиор занимал сестру пересказом других сплетен, на тропинку выбежал бледный, трясущийся как осиновый лист на ветру молодой слуга принца. У паренька зуб на зуб не попадал. Увидев хозяина, он судорожно вздохнул от облегчения, прохрипел:

– Там... там... – и, сочтя долг исполненным, грохнулся в обморок прямо на тропку. Длинные светлые волосы юноши утонули в пыли.

Досадливо поморщившись при виде такой вопиющей неаккуратности, принц накинуд на слугу сонные чары и телепортировал его в замок, а сам привел в полную готовность свой немалый арсенал боевых заклятий. Мелиор, как и все члены королевской семьи, блестяще владел мечом, шпагой, кинжалом и многими другими видами оружия. На тренировки бог-сибарит не жалел времени, в первую очередь предусмотрительно страхуя самого себя от разноса Нрэна, во вторую – самолюбиво не желая уступать в мастерстве никому из братьев. Узнай бог войны при очередной проверке, что кузен пренебрегает поддержанием на надлежащей высоте воинских навыков, Мелиору пришлось бы забыть о лени на несколько лун, если не лет. Сражаться принц умел, но, если у него был выбор, предпочитал пользоваться магией. Защитные чары принца считались одними из лучших в Лоуленде, на уровне были и боевые.

Больше всего Мелиору сейчас хотелось, чтобы сестра оказалась как можно дальше от тропинки, на конце которой их ждала какая-то опасность. Тем не менее принц не стал

даже заикаться о том, чтобы Элия дала ему возможность одному разобраться с неизвестной угрозой. Мелиор знал, что в ответ принцесса лишь высмеет его. Кроме того, перепуганному слуге удалось сбежать, значит, угроза не настолько велика, чтобы рисковать благосклонностью сестры. Коротко переглянувшись с богиней, принц понял, что она тоже готова к любым неожиданностям, и с ее молчаливого разрешения отправил вперед по тропинке змейку следящего заклятия. Малышка просуществовала достаточно долго, чтобы показать хозяину, что на самой тропинке никакой угрозы нет, и растворилась без остатка, без каких-либо внешних признаков атаки, едва выползла на полянку, так и не успев ничего доложить принцу об обстановке на новом плацдарме. Принц нахмурился, смущенный тем, что его подвели испытанные чары, но, поскольку никаких ответных действий источником неизвестной угрозы предпринято не было, боги продолжили путь.

Элия и Мелиор со смертоносными, парализующими и пленяющими заклинаниями наготове, но совершенно спокойные внешне, делая вид, что целиком поглощены обсуждением творчества Астекуса, одного из великих художников мира Золът, вышли на поляну.

Они сразу увидели то, что до полусмерти напугало невезучего слугу. На поляне, поросшей шелковистой, переливавшейся нежно-зеленым и золотым травой, прямо перед беседкой упражнялся с мечом лорд Нрэ́н. Бог войны наводил ужас на людей одним своим видом, даже не имея в руках оружия. С мечом же он выглядел поистине Легендой о смерти. Легкий, стремительный, бесшумный и безумно опасный. В одних брюках, закатанных до колен, он сражался с тенью, ибо не нашлось бы противника из плоти, способного вести бой на равных. Светлые волосы воина были связаны в хвост, желтые глаза полузакрыты. От Нрэ́на исходил легкий свежий, чуть пряный запах мужского пота. Элию неудержимо повлекло прижаться к этому сильному и опасному мужчине, который так страстно влюблен в нее, слизнуть несколько капелек с его гладкой мускулистой груди, почувствовать на миг шелковистую мягкость волос и тепло губ.

Встряхнувшись, принцесса прогнала непрошенные мысли, навеянные обликом брата. Негодник, он ведь, богиня была готова поклясться, нарочно подкарауливал их здесь, чтобы напугать. К счастью, Элия давно обнаружила, что вид Нрэ́на с мечом (рядом с богом и за обедом-то, если он держал в руке нож, старались не садиться) не пугает, а, напротив, возбуждает ее. И всю пользовалась своим иммунитетом. А заклятие слежения? Что ж, понятно, почему оно развеялось: перед богом войны большая часть боевых заклинаний оказывались бессильными, особенно тех, что составлялись с недобрыми намерениями, а зачастую чары и вовсе оборачивались против их творца. Божественный иммунитет Нрэ́на на магию стоил жизни многим чародеям вражеских армий, другие же находили смерть если не от собственных чар, то от меча воителя. Он с особенным удовольствием сносил головы самоуверенным магам, решившим выйти с заклятиями против стали и возомнившим, что у них есть шанс на победу. В скором времени авторитет бога так возрос, что нанять хорошего колдуна в армию, противостоящую войскам Нрэ́на Лоулендского, стало почти невозможно, во всяком случае, нанять колдуна без суицидальных наклонностей, пребывающего в здравом уме. Репутация лорда была лучшей антирекламой.

«Упрямый грубиян! Нахватался идиотских моральных принципов в каком-нибудь воинском монастыре задвинутого на нравственности мирка! Втемяшил себе в голову, что, раз принцесса – его кузина, он не должен желать ее, не смеет любить. Вот только с ревностью ничего поделать не может, а значит, есть шанс, – сердито подумала женщина, – что когда-нибудь мозги дражайшего кузена встанут на место, и крепость его принципов даст брешь, не выдержав моих атак! Если не нынче в Новогодье, то в следующее непременно я возьмусь за него всерьез!»

Богиня, разумеется, могла бы взять бастионы упрямого Нрэ́на одним решительным штурмом, но все дело в том, что Элия была не менее упряма, чем Нрэ́н, и ей хотелось, чтобы

лорд сам упал к ее ногам с признанием на устах, сознался в своих чувствах и просил об ответе. Принцесса ждала этого и лишь «ненавязчиво» подталкивала мужчину к закономерному с ее точки зрения финалу, ждала и тихонько злилась, что упорный лорд не желает сдаваться, но одновременно и наслаждалась игрой. Еще никто из мужчин не противился ей так долго.

Нрэн не подал виду, что заметил появление родственников. Игнорируя их присутствие, бог продолжал тренировку в прежнем режиме, вот только клинок его меча, доселе стремительно мелькавший в воздухе, сейчас превратился в едва различимый проблеск.

Завидев вооруженного Нрэна, Мелиор почувствовал, что у него сдают нервы, и едва не запустил в кузена всем арсеналом смертельных заклятий, имеющихся в наличии. Но каким-то чудом мужчина сдержался. То ли подсознательно вспомнил, что Нрэн – родственник, то ли сработал инстинкт самосохранения, истошно заоравший в уши бога, что на этого типа не подействуют ни одни чары, даже сплетенные искусным принцем Лоуланда.

Так или иначе, первое спасительное мгновение было упущено. Потом стало поздно. Мелиор как зачарованный усталился на Нрэна, словно невинный пушистый зверек в пасть удава. Какая-то часть его сознания кричала о том, что нужно со всех ног удирать от того, кто в одну секунду может порубить его в капусту, припомнив вчерашние развлечения с сестрой. Но принц стоял, не в силах оторвать взгляд от причудливой вязи клинка-молнии, более стремительной, чем способен был воспринять глаз простого смертного. Колдовство разорвал надменно-вежливый голос Элии:

– Прекрасный день, Нрэн. Тренируешься? Неудачное место выбрал, мы собирались завтракать на лоне природы, а не любоваться твоими дикими прыжками. Нет, не подходи ближе, от тебя несет как от лошади!

Огорошенный такой реакцией женщины, лорд сбился с четкого ритма. Клинок-молния приостановил свой полет. Воспользовавшись этим, принцесса ненавязчиво потянула за рукав загипнотизированного Мелиора:

– Пойдем, дорогой, пусть он развлекается дальше, пугая слуг до обморока, шут гороховый!

Еще не до конца пришедший в себя принц послушно побрел за сестрой. Со смешанным чувством разочарования, ревности и замешательства Нрэн посмотрел им вслед. Мелиор не испугался настолько, насколько хотелось воину, а Элия не испугалась вовсе. Нрэн не мог понять, радует это его или огорчает, но душу жгли презрительные слова: «Несет как от лошади... Шут гороховый».

Вид белой беседки, увитой темной зеленью ибарского плюща, немного успокоил Мелиора. Богиня провела его внутрь и подтолкнула к мягкому круговому диванчику у стола с белой скатертью, уставленного изысканными яствами. Понимая, в каком состоянии находится брат после встречи с воинственным Нрэном, Элия постаралась как можно быстрее развеять его страхи. Делая вид, что все в порядке, принцесса заговорила о пустяках, ненавязчиво окутывая бога тонкой вуалью своей силы, не настолько плотной, чтобы пробудить в нем огонь страсти, но достаточной, чтобы привлечь к себе внимание и возбудить интерес, способный бороться с нагнанным Нрэном ужасом. Кровь быстрее побежала по жилам, прогоняя стылый страх, чувство собственной беспомощности и абсолютной незащитности перед острым мечом. Постепенно Мелиор оттаял и окончательно расслабился. Хорошая пища, вино и общество богини любви весьма способствовали этому. Несмотря на трагикомичное начало, завтрак прошел недурно, пережитое нервное потрясение усилило аппетит. К тому же богиня была на редкость мила и нежна с Мелиором, она не отпустила ни одной шпильки по поводу его страха, ни словом не упомянула неприятную встречу с воителем, проявляя совершенно несвойственный ей ранее такт. За что принц был ей чрезвычайно благодарен. Ему, как никому другому, хотелось поскорее выбросить из памяти минуты собственной постыд-

ной слабости, проявленной в обществе женщины, чьей благосклонности он добивался перед лицом потенциального соперника.

Зверюшки, опасавшиеся временами друг друга, но никак не двуногих посетителей Садов и дежурившие неподалеку в ожидании неперменной подачи, почуяли окончание трапезы. Доброе расположение духа сотрапезников лишь подогрело их гастрономический интерес.

В Садах Лоуленда на зверей не охотились и не обижали. Даже принц Энтиор смирал свой садистский нрав под угрозой тяжелого кулака отца и немилости сестры, которая, когда он однажды вознамерился пнуть ежика, не в добрый час перешедшего ему дорогу, закатила такой скандал, что с тех пор принц не рисковал истязать животных в Садах. Он делал это в Гранде.

Поэтому зверюшек из окрестностей лесной ротонды, собравшихся на аппетитные ароматы трапезы богов, не заставило кинуться прочь даже появление Нрэна. Конечно, бог войны ощущался ими как нечто весьма и весьма опасное, но опасное не для них: разве стоит канарейке пугаться смерти, пришедшей за душой человека. Животные потихоньку затаились у кромки поляны в траве, среди кустов, на ветках деревьев и предпочли спокойно обождать, пока опасный мужчина завершит тренировку и его сменят куда более желанные визитеры.

И обитатели Лоулендского замка, и четвероногие жители Садов Всех Миров считали неперменным условием трапезы в Садах дележку «хлебом насущным». И последние весьма возмутились бы, не удели им боги вкусных кусочков со своего стола. Сообразив, что Элия и Мелиор больше не обращают внимания на деликатесы, мелкие обитатели леса окончательно обнаглели и подобрались поближе, а самые храбрые и жадные лакомки отважились просочиться в беседку.

Одна бесстрашная или особенно голодная сине-голубая белка, требовательно цокая, вскочила на плечо Мелиора и, яростно вереща ему на ухо, заскребла черными коготками шелковую рубашку принца. Зверюшка требовала свою долю пищи до тех пор, пока принц, улыбнувшись, не угостил ее ореховым печеньем. Бог даже не посетовал на безвозвратно испорченную зацепками от лапок энергичного зверька ткань одеяния.

– Оставь белочку себе на воротник, она идет к твоим глазам и так живописно вертится, – засмеялась принцесса, скармливая кусочки пирожка со сладкими ягодами стайке птичек ярких расцветок, кружившихся над головой, двум зеленым ежикам, сосредоточенно сопящим у ног, и пятнистой лани с розовыми ушками, просунувшей мордочку сквозь плети плюща.

Лань доверчиво брала еду из руки богини мягкими бархатными губами и, перебирая копытцами, пыталась посильнее вытянуть шею.

Глава 3

То ли прогулка, то ли побег

Оправившись от шокирующего столкновения с богом войны, Мелиор зашевелил хитроумными мозгами завязтого интригана, ища выход из положения. Принц быстро сообразил, что от ревнивых глаз Нрэна нужно скрыться как можно скорее и дальше, пока они не встретились один на один. Сибариту даже представлять не хотелось, до какого состояния его «затренирует» разгневанный воитель. Почему-то Мелиору казалось, что слово «вусмерть» слишком слабо отражает прогнозируемый результат, а уж к «насмерть» принц и вовсе был не готов. Воспользовавшись благосклонным расположением Элии, принц решился ненавязчиво предложить:

– Дорогая, пару дней назад была спущена на воду моя новая прогулочная яхта. Я дал ей имя «Принцесса», в твою честь. Прости за невольный каламбур, но не соблаговолит ли прекрасная принцесса осветить своим присутствием мое скромное судно? Мы могли бы спастись на нем от... утомительной жары Лоуленда в безбрежных водах Океана Миров. При такой погоде каждый лишний день, да что там день, час, проведенный в городе, кажется настоящей пыткой. Конечно, в твоём дивном обществе я готов страдать вечность, и это станет для меня наслаждением, но ещё большей радостью для меня будет плавание в твоей компании. Только представь, милая: легкая яхта, несущаяся по безграничным просторам Океана Миров, тайны и красоты его бездонных глубин и островов, открывающиеся нашему любопытному взору, ветер, ласкающий уставшие от зноя тела...

Вдохновенное предложение красноречивого брата (он готов был петь пышные дифирамбы прогулке до тех пор, пока не получит положительного ответа сестры) как нельзя более соответствовало планам женщины исчезнуть из Лоуленда, пока маленькая любовная шалость с эндорским посланцем не стала достоянием гласности. Кочевники пустыни были весьма целеустремленным и упрямым, как эльфийские лошадки, народом. Принцесса не знала, собирается ли эндорец что-то предпринять, но совсем не стремилась остаться и выяснить на собственной прелестной шкурке. Элия, считавшая себя взрослой, умудренной опытом особой, давно не получала серьезных выговоров от отца и не намерена была нарушать эту милую традицию. Сделав вид, что решает, Элия помолчала пару минут и дала свое согласие, прервав череду изящных доводов принца о пользе морской прогулки.

Вот так и получилось, что после завтрака в Садах Всех Миров принцесса отправилась паковать вещи для путешествия на новой яхте принца.

На сей раз Элия собралась быстро. В жизни богов Лоуленда, тем более членов семьи Хранителя Мира Узла, каковым по совместительству с должностью короля являлся Лимбер, случается всякое. Не раз и не два принцессе требовалось срочно покинуть замок и пуститься в путешествие по поручению Источника или воле отца. Походный мешок, походящий скорее на элегантную, но не бросающуюся в глаза заплечную сумку, был всегда под рукой, хранясь в потайном отделении гардероба. Богиня любила путешествовать с комфортом, поэтому в мешке находились две деревянные шкатулки-уменьшители с одеждой и украшениями на все случаи жизни: от пышного бала до невзрачного платья бродячей сказительницы. Заклинание незаметности гарантировало, что ничье «заинтересованное» внимание, кроме хозяйского, эти вещи не привлекут и желания слямзить их не возникнет. Кроме шкатулок, принцесса никогда не вынимала из сумки волшебные миску и флягу, способные накормить и напоить владельца лучше, а главное, быстрее, чем повара дорогого ресторана. Да и не в каждом мире, куда случалось отправиться богине, встречались пункты питания для путешественни-

ков. Расческа, нож и десяток-другой менее существенных мелочей довершали содержимое мешка.

Принцесса переделалась в свободные светло-серые брюки, чуть зауженные к щиколоткам, и голубую с серебряным проблеском длинную рубашку навыпуск, похожую на короткое верхнее платье. Квадратный ворот, манжеты и длинные разрезы по бокам, облегчающие движение, были расшиты жемчугом, талию перехватывал широкий наборный пояс – серебро и крупный жемчуг белого и голубого отлива, с массивной пряжкой сбоку от правого бедра. Богиня сочла такой декор весьма символичным для водной прогулки. Элия собрала волосы в толстую косу. Звездочки из набора послушно создали сеточку, чтобы прическа не давила хозяйке на спину. Повесив походную сумку на плечо, принцесса перешла к стойке с оружием, скрытой фальшивой стеной гардероба. У богини было не столь много клинков, чтобы размещать личную оружейную в покоях, подобно принцу Нрэну. Обыкновенно хватало любимой шпаги, кинжала и пары ножей-скоморохов, а если нет, к услугам богини, как члена королевской семьи, была замковая оружейная – настоящий кладезь смертоубийственного металла, способный вооружить до зубов весь город, и хранилище магического вооружения с отнюдь не простыми и весьма опасными предметами. Но туда богиня заглядывала еще реже, чем в оружейную, и большей частью лишь для того, чтобы полюбоваться удивительными артефактами или помочь Нрэну и Рiku определить назначение очередной вещи из воинской добычи кузена.

Принцесса внимательно оглядела стойку с оружием, решая, что стоит брать на развлекательную прогулку.

– Эй, госпожа, не вздумай нас оставить! – завопили, учуяв мысли хозяйки о скорой отлучке, ножи-скоморохи.

Более скромные и немногословные шпага, хранящая дух великого фехтовальщика, и кинжал, обретший разум после омовения в магических Источниках миров, промолчали, но промолчали согласно со своими собратьями.

«Это лишь мирная прогулка в Океане Миров, ничего опасного, никакого кровопролития, никаких развлечений для вас, ребятаки», – мысленно ответила Элия, не удержавшись от быстрой улыбки. В минуты горячности и веселого энтузиазма ножи-скоморохи иногда напоминали ей брата Джея.

– Так возьми нас прогуляться, сколько можно в шкафу торчать! Совсем заржавеет тоски! Заржавеет и сломаемся! – заканючили ножи, чувствуя, что принцесса начинает сдаваться. – Не поприкалываемся, так хоть на корабль да воду поглядим, тыщу лет, поди, уж не видали!

– Уговорили! – сдалась принцесса и, не слушая ликующих воплей скоморохов, сунула ножи в сапожки, кинжал в сумку, а шпагу прицепила к поясу.

Завершив сборы, богиня была готова пуститься в путь. Но как ни быстра была Элия вопреки сложившемуся мнению о неторопливости женщин по части выбора туалета и процедуры облачения, сибарит Мелиор оказался проворнее. Обычно все делавший не торопясь (издеваясь, братья часто называли его за глаза богом лени), так и не переодевшийся принц уже ждал сестру у конюшен с двумя оседланными лошадьми. Страх перед Нрэном послужил отличным катализатором деятельности принца. Никогда еще его высочество не передвигался с такой умопомрачительной скоростью. Мелиором двигало стремление поскорее оставить между собой и Нрэном как можно большее расстояние. Принц и лошадей-то в качестве средства передвижения выбрал вместо телепортации на яхту, только чтобы дать время команде приготовить корабль к отплытию, а толкаться в порту, среди вонь, гама и простолюдинов было выше сил элегантного бога. Прекрасно подобранный экипаж начал работу сразу, как только получил приказ, отданный через заклинание связи. Удобства ради принц

наложил постоянное заклятие связи на кристалл, вставленный в серьгу, украшавшую левое ухо капитана.

Мелиор велел приготовить пару резвых лошадей, самоотверженно пожертвовав даже удобством и уютом персональной кареты, сделанной на заказ у лучших кудесников. Рессоры давали волшебным образом мягкий ход, стекла опускались, поднимались, темнели, отталкивали шум улицы, диваны, легко трансформирующиеся в просторное ложе, манили к отдыху усталое тело, встроенный музыкальный бар и магическая плитка стола позволяли устроить настоящий пир в пути, магический кондиционер обогревал, проветривал, освежал воздух и устранял грязь. Чудо-карета была всем хороша, но размеры... Экипаж, добираясь до участка порта, где швартовались корабли, состоящие в личном владении королевской семьи, не смог бы двигаться достаточно быстро. Значит, к прискорбию сибарита, оставалось одно – конная прогулка. Благо, что весь багаж бога давно ожидал его на яхте и отпадала надобность в караване вьючных животных.

Для сестры Мелиор велел оседлать Стрелку. Эта изящная, но сильная кобыла попала к богине пару лет назад. Элия проходила через один из миров, в котором бушевала гражданская война. Среди обычного мусора, свежих курганов могил, грязи и помоев, остающихся после любой, даже самой дисциплинированной армии, богиня, следовавшая по обочине раздолбанной дороги, увидела лошадь, издыхающую от ран, с отравленной стрелой, пронзившей шею насквозь. Хозяин ее то ли сам почил недалеко, то ли смалодушничал и сбежал, не сумев перерезать горло страдальце. Принцесса великодушно собралась сделать это за него, но бьющаяся в агонии каурая лошадь открыла глаза. Этот взгляд умирающего животного, безнадежно, но доверчиво просящий помощи, изменил решение богини. Она излечила кобылу и забрала ее с собой, назвав в честь оружия, ранившего ее. Стрелка оказалась настоящей боевой лошадью: упрямой, норовистой, но хозяйку слушалась беспрекословно, понимала с полуслова, никогда не капризничала, видно, помня, кому обязана жизнью. Свою полезность кобыла доказала в первый же день спасения. Когда шайка мародеров кинулась на принцессу, Элия успела только обнажить кинжал и изготовить заклятие, а Стрелка, яростно всхрапнув, уже ринулась в бой. Она огрела задними копытами одного мужика с такой силой, что заткнутые за пояс ржавые латные рукавицы вылетели у него из спины, передними копытами размозжила головы двум другим и порвала зубами руки и плечи последнему мародеру, не в добрый час пытавшемуся обойти ее сбоку. Отважная лошадь одержала чистую победу над четырьмя врагами, отплатив принцессе добром. Теперь новым домом Стрелки стали конюшни при замке Лоуленда.

В них содержалось по несколько элитных лошадей, принадлежавших персонально членам королевской семьи. Этих животных каждый подбирал себе самостоятельно, покупая, меняя, получая в дар, ловя в диких или нахально сводя в обжитых мирах. В соседних конюшнях стояли великолепные кони, которыми могли пользоваться те, кто гостил в замке или выполнял королевское поручение. Стрелка получила «титул» личной лошади принцессы. Отъезжая после «щедрых» армейских харчей и попривыкшая к жизни в замке кобыла стала полностью соответствовать своему высокому званию. На каурую лошадь с удивительно умными желто-зелеными глазами заглядывался не один конь, да что конь, братья не один раз подкатывали к богине с предложением перекупить кобылу, но получали категоричный отказ.

Завидев хозяйку, кобыла радостно заржала, затанцевала, перебирая копытами, и запрядала изящными ушами. Потрепав лошадь по холке и сунув ей мимоходом наколдованный кусок круто посоленного хлеба грубого помола, принцесса приторочила сумку и легко взлетела в седло. Улыбнувшись брату, спросила:

– Едем?

Тот согласно кивнул и вскочил на коня. Морок – горячий гнедой жеребец из грандских конюшен Энтиора, выторгованный за скатерть-самобранку, сотворенную лично Мелиором, заплясал под принцем, задорно кося бирюзовым глазом на Стрелку. Та фыркнула и отвернулась, проигнорировав его откровенные заигрывания. Мелиор прищипорил коня. Готовые поразмяться лошади, чувствуя нетерпение седоков, взяли с места в карьер. Боги столь стремительным вихрем вырвались за замковые ворота, что принц даже не успел отвесить страже высокомерного прощального кивка. Всадники поскакали по плавно спускающейся дороге вниз, в город. Желающих в такую жару наведаться в королевский замок или прогуляться от замка до города было не много, торговцы и слуги старались либо проверить все дела утром, либо откладывали их до вечера, поэтому путь был относительно свободен.

Вскоре брат и сестра уже въезжали в столицу, сбавив скорость лишь на самую малость. Простолюдины почтительно кланялись и расступались, давая дорогу членам королевской семьи, дворяне склоняли головы. Женское население кокетливо улыбалось принцу (а вдруг заметит?) и старалось запомнить до мельчайших подробностей, во что одета принцесса, ибо именно Элия задавала в Лоуленде женскую моду. В этот момент в столице рождалось новое течение в одежде для верховых прогулок. Пройдет совсем немного времени, и амазонки подвергнутся остракизму, как жалкий пережиток прошлого. Зауженные книзу свободные штаны и длинные рубахи с квадратными вырезами – вот что станут носить дамы, следящие за веяниями моды!

Мужская одежда менялась в куда менее узких рамках, ведь записным щеголям приходилось ориентироваться сразу на несколько эталонов. Любившие броские наряды изучали Рика и Джея, консерваторы следили за Ментором, Элтоном, Кэлером, утонченные франты боготворили Мелиора, Энтиора и Ноута. Поэтому мужчины улыбались принцессе, стараясь поймать хоть взгляд прекрасной богини, любовались ее изящной посадкой в седле, формой рук, поигрывающих поводьями, но не оставляли без внимания и внешность Мелиора, брали на заметку покрой его белоснежных одежд, чтобы очень скоро озадачить собственных портных.

В Первом Кольце, официальном центре культурной, духовной и общественной жизни города по широким проспектам и улицам, среди красивых высоких зданий – резиденций знати, музеев, театров, храмов, собраний – двигаться было легко, несмотря на пристальное внимание горожан. Но во Втором Кольце, где преобладали административные здания поскромнее и торговые представительства гильдий, жилые дома среднего класса, первые этажи которых занимали магазины, лавки, кафе, темпы продвижения богов несколько замедлились. Даже несмотря на то что они двигались по центральным улицам, не сворачивая в ремесленные ряды и не пересекая торговые площади, лошади были вынуждены перейти на шаг.

Стоя под ледяным душем, Нрэн с ожесточением тер себя мочалкой. Столько яростного отчаяния и целеустремленности было в этих движениях, словно он всерьез вознамерился содрать с себя кожу и простирнуть ее отдельно от тела. Лихорадочно приносясь, лорд пытался определить, по-прежнему ли от него «несет как от лошади». Но в ноздри бил только запах травяного мыла. Решив, что у него отбило обоняние, мужчина принялся судорожно вытираться жестким полотенцем. Быстро одевшись и махнув по влажным волосам ясеновой расческой с частыми зубьями, лорд стрелой вылетел в коридор, едва не опрокинув при этом собственного слугу, поливающего вяющие растения с тонким свежим ароматом, оплетающие двери в прихожей живописными арками. Только мгновенная реакция человека уберегла его самого, лейку и растения от повреждений. Перед Нрэном стояла цель как можно скорее разыскать Элию и убедиться, что ему удалось избавиться от ужасного запаха пота, что кухня больше не будет брезгливо морщиться в его присутствии.

Но Элия как сквозь землю провалилась! Лорд не ощущал ее присутствия в замке. Какое-то шестое, а может, и пятнадцатое чувство (один Творец знает, сколько их всего у богов) твердило Нрэну, что принцесса ушла, оставив безнадежную пустоту и холод. Бог чувствовал это так, словно с неба украли солнце. Не имея инстинктивной возможности определить, где кухня, не используя магию, Нрэн устроил засаду в коридорной нише недалеко от покоев принцессы и приготовился ждать, невольно морщась от перебивающих нюх обрывков старых ароматов родственников. Не он один использовал это укромное местечко для наблюдения за комнатами Элии, в стратегии подкарауливания любимой сестры знали толк и другие братья. Через полчаса беспредельное терпение лорда было вознаграждено появлением юркой служанки.

– Где хозяйка?! – рывкнул мужчина, машинально ловя кувшин, выскользнувший из рук девушки, повергнутой в трепет его неожиданным появлением.

– С... с пр-принцем Мелиором... На корабль... уехали... – пролепетала служанка и тут же испуганно зажала ладошкой болтливый ротик.

Нрэн сунул ей в руки кувшин и понесся на конюшню: «Уехала! С Мелиором!!! Вдвоем!!! На корабле... Вероятно, на его новой яхте, о которой давеча трепался Рик. Проклятье!»

Лорд мгновенно решил догнать их. Над тем, что он будет делать потом, когда настигнет брата и сестру, Нрэн пока не подумал.

Покачиваясь в седле и поддерживая на губах небрежную улыбку, Мелиор напряженно считал метры пути, отделявшие его от порта, где ждала гостей спасительная яхта. Его красавица «Принцесса». Принца грызло беспокойство. Перед мысленным взором то и дело вставали написанные кровавыми красками картины того, как мстительный Нрэн обрабатывал братьев, посмеявших явно заигрывать с сестрой.

«Вот ведь пес у ведра с овсом! И сам не ухаживает, и другим не дает! Все знают, что он по ней с ума сходит», – раздраженно думал Мелиор, перехватывая поводья поудобнее и подавляя естественное желание подстегнуть Морoka.

Свернув на следующую улочку, дугой сбегавшую к порту и носившую избитое название Речная, принц и принцесса были вынуждены поехать еще медленнее. Здесь находились многочисленные мелкие лавки и крупные магазины, продававшие все, что только свозилось в Лоуленд из далеких и близких миров, с которыми велась торговля. Людской поток, даже в такую жару, казался неиссякаемым. Продвигаться в толпе было тяжело, но этот путь до сих пор считался наиболее коротким. Считался! Каким же, позвольте спросить, идиотом? Мелиор с десяток раз уже успел проклясть лживое общественное мнение. Какая, к демонам, Речная? Эту улицу следовало именовать Трясинной, ибо бедолага, попавший в ее пределы, терял надежду когда-нибудь выбраться из удушающих объятий толпы.

Внезапно Мелиора пробрала холодная дрожь, а сердце словно сжали ледяные пальцы Посланника Смерти. Принц спиной ощутил чей-то (и он тут же проницательно догадался чей) тяжелый, как бетонная плита, взгляд. Чувствуя неминуемо нарастающий ужас, принц осторожно, как бы невзначай повернул голову. Самые худшие, самые черные из его опасений оправдались. Из-за самого дальнего поворота, который путники миновали минут семь назад, выехал лорд Нрэн. Суровый, пылающий гневом взгляд бога войны сулил мучительную и неотвратимую смерть всем посмеявшимся оказаться рядом с Элией. Лорд, восседающий на гигантском черногривом жеребце бурого окраса, именуемом коротко – Гард, неотвратимо приближался. По совершенно понятным причинам улица вокруг бога войны, находящегося в столь грозном расположении духа, мгновенно пустела. Народ инстинктивно стремился убраться с пути Нрэна. Даже в шуме торговой улицы, состоящем из тысячи тысяч звуков, принц слышал истерические женские вскрики и разразившихся испуганным ревом детей.

Мелиор приоткрыл было рот, собираясь прозрачно намекнуть Элии на то, что им следует поторопиться, но не успел сказать ни слова. Прозвучал задорный мужской голос, который несчастный бог предпочел бы не слышать никогда в жизни, тем более сейчас.

– О, ваше высочество, какая нечаянная встреча! Прекрасный день! Вы изволили почтить своим присутствием сию скромную улицу Лоуланда. Да еще и со столь эффектным эскортом! Сразу видно, что мстительная и подлая, но эффектная тварь этот жеребец! – восторженно воскликнул герцог Лиенский, краем глаза косясь на Мелиора при двусмысленном комплименте то ли Мороку, то ли принцу. Его высочество молодой нахал удостоил коротким формальным кивком.

Ухватив за повод и придерживая лошадь принцессы, юноша расплылся в озорной улыбке. Стрелка привычно попыталась укунить знакомого нахала, но тот проворно увернулся и погладил ее по морде. Элия слегка шлепнула лошадь по шее, приказывая остановить игру. Не будь проделки кобылы забавой, она давно бы пустила в ход мощные копыта.

Первым побуждением принца было хорошенько угостить дерзкого наглеца плеткой и мчаться дальше. Но, памятуя о том, что сестра всегда питала к мальчишке некоторую противоестественную симпатию, простиравшуюся так далеко, что жизнь Элегора бывала неоднократно выкупаема у братьев, с трудом сдержался. Мужчина с мрачным отвращением посмотрел на юнца, прикидывая, что он все-таки сделает с негодяем, если останется в живых после того, как их настигнет Нрэн. Надежда уцелеть все еще теплилась в сознании принца, цепляясь изо всех сил за два факта: во-первых, лорд не имел привычки вершить кровавые дуэли на глазах у сестры, и, во-вторых, он пока не убил ни одного родственника. У Мелиора появился реальный шанс открыть смертельный счет. Для этого Нрэну только следовало их догнать.

– Элегор, любовь моя, какая нечаянная радость! Прекрасный день, мой сладкий! – нежнейшим из голосков прошептала принцесса, с интересом наблюдая за реакцией герцога (ах, как эффектно юноша позеленел при словах «любовь моя», какой восхитительный нежно-розовый оттенок посетил его физиономию при употреблении эпитета «сладкий»).

Параллельно с пристальным изучением физиогномики Элия следила за своими ощущениями, говорившими ей о приближении Нрэна, от силы которого прямо-таки несло гневным холодом и, что в первую очередь ощутила принцесса, неистовой ревностью. Богине стала понятна все нарастающая, приближающаяся к отметке «паника» нервозность брата.

В ответ на проникновенную речь Элегор ошалело заморгал, потом хмыкнул, признавая, что леди Ведьме удалось его переиграть, и, чтобы потянуть время и придумать достойную отповедь ехидной собеседнице, спросил:

– А куда, собственно, ваше высочество собралось в такую рань, неужто за покупками? Захотелось посмотреть на заокеанские диковинки и нанести достойный урон Лоуландской казне?

– Не угадал, дружок, – снисходительно ответила Элия, украдкой показав Электору острый кончик розового язычка, и потрепала Стрелку по холке. – На морскую прогулку.

«С ним, что ли?» – мысленно спросил себя герцог, метнув взгляд на мрачного Мелиора.

Но вот досада! Принц, обычно столь высокомерно-раздражительный и язвительный в присутствии Элегора, почти не обращал на юношу внимания, то и дело опасливо косясь назад. Возмущенный столь вопиющим презрением к своим стараниям позлить Мелиора, герцог глянул в ту же сторону. В тот же миг ему стала ясна причина крайней нервозности принца. К компании неуклонно приближался лорд Нрэн, и, судя по его угрюмо-гневному виду, отнюдь не затем, чтобы от всего сердца пожелать родственникам счастливого пути и дать пирожков на дорожку. Мужчина кипел таким гневом и жаждой мести, словно у него выкрали любимый меч и доспехи в придачу. Мысли вихрем пронеслись у герцога в голове. Авантюрист до мозга и костей, юноша просто не мог упустить подкинутого Силами счастливого шанса поучаствовать в классном приключении, которое, он нутром чуял, начиналось

здесь и сейчас. В шальной голове бога возник план, который он тут же начал воплощать в жизнь.

– Здорово придумано, ваше высочество! А знаешь, у меня есть гениальное предложение: продли свою неземную радость от лицезрения моей особы – возьми меня с собой! – скороговоркой выпалил Элегор и мысленно добавил умоляюще: «Пожалуйста, ну что тебе стоит, леди Ведьма?»

Вслух юноша никогда не произнес бы такого при принце Мелиоре. Вынеся столь «рациональную» идею на суд принцессы, герцог напружинился, изготовившись метнуться в сторону в случае отказа, дабы не попасть под горячую руку лорда Нрэна. То, что бог войны ярился на родственников, вовсе не исключало возможности распространения наказания за неведомую провинность на всех оказавшихся в радиусе действия его смертоносного гнева. Герцогу и без того частенько доставалось за изобретательные проделки, чтобы ему вдруг захотелось мазохизма ради пострадать за компанию с принцессой и высокомерным принцем.

Элия подняла на брата вопросительный взгляд. Тот неприязненно качнул головой. Поняв, что Мелиор легко не сдастся, Элия решила действовать иначе. Настырный, но не страшный, хотя и страшно надоедливый герцог Лиенский не представлял собой непосредственной опасности, зато легко мог ее спровоцировать, ибо разговор затягивался, а Нрэн неумолимо приближался. На это и собралась нажимать принцесса, чтобы уговорить брата прихватить в путешествие и Элегора. И двигало Элией вовсе не альтруистическое стремление к благотворительности. Принцесса посчитала, что герцог не только развлечет ее, но и одним своим присутствием ликвидирует прямую угрозу постоянных притязаний на интимное общение со стороны Мелиора. Богиня готова была биться об заклад, что принц за время путешествия постарается перевести свои отношения с прекрасной сестрой в более глубокое русло.

«Милый, – мысленно обратилась принцесса к брату, – не проще ли нам будет взять герцога с собой, нежели отвязаться от него здесь и сейчас, не устраивая магической дуэли или банальной потасовки?»

– Что ж, пусть едет, но ему придется бежать за нами до причала: Морок не обучен носить двоих седоков, – надменно бросил принц и демонстративно прищипорил коня, надеясь, что наглец теперь отвязется.

Элегор, в душе которого возгорелась было надежда на блестящее приключение, взглянул на принцессу полными мольбы глазами, на дне которых, правда, затаилась злоба на Мелиора, обещающая при первой же возможности вылиться в какую-нибудь эксклюзивную пакость.

– Давай, герцог, забирайся, моя Стрелка не столь капризна, – сжалилась богиня любви и протянула Элегору руку.

Юноша, слегка коснувшись ладошки всадницы, легко взлетел в седло позади Элии, после чего, крепко обхватив ее за талию – назло красавчику Мелиору, – весело заявил:

– Поехали!

«До первого порта, щенок!» – зло подумал Мелиор, нервно потряхнув головой, и дал священный обет приложить все усилия, дабы воплотить это решение в жизнь. Бог жаждал избавиться от юного нахала как можно быстрее, ибо ему хотелось путешествовать наедине с сестрой. Именно эту волшебную мечту лелеял принц, приглашая Элию на романтическую прогулку. Дерзкий, настырный мальчишка в интимную компанию совсем не вписывался. Все-таки давно следовало отравить его втихую, пока сестра путешествовала в мирах.

«Ты по-прежнему думаешь, что прогулка будет мирной?» – весело уточнили у хозяйки ножи-скоморохи.

«Уже нет», – честно созналась принцесса. Баламута и смутьяна герцога Лиенского проблемы и приключения находили сами где угодно и когда угодно.

Быстро лавируя в поредевшем благодаря Нрэну потоке торговцев, покупателей, зевак, лошадей, экипажей и повозок, процессия поспешно тронулась в путь, благо полагалось уступать дорогу членам королевской семьи. Но, к сожалению, перед Нрэном улица пустела гораздо стремительнее, ибо не уступить дорогу богу войны, когда он мчится, не видя ничего, кроме цели, невозможно. На стороне беглецов была лишь удача и фора во времени. К счастью, новая красавица-яхта была почти готова к отплытию. К тому времени, когда компания выбралась с Речной улицы в порт и доехала до причалов, отведенных для судов королевской семьи, команда яхты заканчивала последние приготовления.

Элия всегда достаточно ровно, без буйного восторга относилась к Океану Миров, судам и прочим сопутствующим предметам морской тематики, исключая, конечно, русалочьи ювелирные изделия и омовение в теплых водах. Морские путешествия не числились среди излюбленных способов времяпрепровождения богини, но на сей раз даже принцесса невольно залюбовалась легкой, летучей красотой чудо-яхты. Судно, принадлежащее эстету Мелиору, как и всякая вещь, созданная для него и по его указаниям, оказалось безупречным совершенством. Светлое дерево корпуса, белоснежные паруса, изящные очертания делали корабль ирреально призрачным и невесомым на вид. По правому борту судна бежала причудливая вязь высокого лоулендского шрифта: «Принцесса».

Пусть яхту делали не на полумифических легендарных островах корабелов Шшисуц, а в доках мастеров-корабелов союзного Лоуленду Вязийса, но корабль был поистине великолепен. В Вязийсе, единственном измерении на многие тысячи миров, работали с драгоценным, необычайно твердым, не подверженным гнили и порче легким деревом синдарра. И работали не ремесленники, а настоящие поэты своего дела. Страшно было даже представить, во сколько обошлась Мелиору яхта из синдарра, но любой морской волк, взглянув лишь раз на прекрасное судно, сказал бы: оно того стоило. Немало народу толпилось неподалеку от причала, завистливо вздыхая и думая над тем, что ради обладания таким судном можно самому Повелителю Межуровня душу запродать, и явственно понимая, что одной души за такую яхту будет недостаточно.

Спешившись, Мелиор вежливо подождал, пока спрыгнет со Стрелки Элия и слетит Элегор. Принцесса благодарно погладила кобылу и спросила ее:

– Хочешь еще погулять?

Стрелка скосила желто-зеленый глаз на любимую хозяйку и согласно заржала, энергично кивая головой так, что длинная грива замоталась из стороны в сторону.

– Тогда отправляйся в конюшню сама, – предложила Элия, заправляя поводья за луку седла. – Да проследи, дорогуша, чтобы твой приятель Морок не набедокурил.

Стрелка снова ответила принцессе ржанием, в котором Элегору явственно послышались нотки веселого смеха. Впрочем, почему только послышались? Животные, проводившие длительное время с богами, зачастую становились куда разумнее людей. Морок оскорбленно фыркнул, топнув копытом по камню мостовой. Стрелка снова «засмеялась» и пряданула ушами, поддав кавалера крупом. Зубы жеребца намеренно клацнули в нескольких сантиметрах от крупа кобылы, он затанцевал на поводу у Мелиора, изящно выгибая шею. Принц усмехнулся, скользящим узлом закрепил поводья у седла и небрежно шлепнул коня по холке, разрешая прогулку:

– Ступай.

Довольные лошади развернулись и, бесцеремонно расталкивая народ, потрусили в конюшню. В том, что они доберутся туда, никто из богов не сомневался. Дорогу домой лошади знали прекрасно, и не нашлось бы в городе сумасшедшего, пытавшегося им помешать. Если, глядя на Стрелку, кое у кого и могла возникнуть иллюзия ее безобидной доброжелательности, то Морок выглядел именно так, как ему полагалось: подлой, умной, жестокой бестией, которой палец в рот не клади, коли не хочешь лишиться руки по плечо. Впрочем,

любому заблуждающемуся на их счет жеребец и кобылка готовы были охотно продемонстрировать свои таланты.

Позабывшись о лошадях, Мелиор элегантно жестом, чтобы не нарушать прекрасной хрупкости мига любования яхтой, пригласил сестру подняться на борт.

Элегор завороченно разглядывал судно. Ни вычурности, ни тяжеловесности – изящные и элегантные обводы корпуса, стройные мачты. Яхта была похожа на воплощенную грезу корабелов. «Нет, я никогда не назвал бы ее «Принцессой», – категорично решил для себя юноша. – Ни надменности, ни роскошества, лишь стремление ввысь и легкость. Я бы дал ей имя «Птица»!» Но ниже герцогского достоинства было открыто признать перед принцем свое восхищение.

– Нехилое корыто! – безжалостно сокрушил романтичность момента мстительный Элегор, пару секунд понаслаждался видом вытянувшейся физиономии принца и стрелой взлетел по трапу на корабль.

«Один-один», – тайком ухмыльнулся герцог и решил за время прогулки довести счет со своей стороны как минимум до двух десятков.

Яростно сверкнув в сторону наглеца глазами, Мелиор решил не унижаться до препирательств со скудоумным болваном, именуемым его яхту корытом, и, насколько это возможно, игнорировать досадное недоразумение, носящее имя герцог Лиенский, раз уж нельзя от него избавиться раз и навсегда.

Элия взшла на корабль под руку с братом. Принц подал знак капитану, дежурный матрос дунул в раковину-рожок, и высокий, чистый звук разнесся над портом, пролетел над волнами, давая понять всем, что яхта отправляется в плавание. Народ на берегу, наблюдавший за красавицей, разразился приветственными криками и добрыми напутствиями. Судно, послушно повинуясь ловким рукам матросов, вышло из гавани. Попутный ветер, привлеченный зачарованной тканью, надул белые паруса.

Как раз тогда, когда герцог в поисках новых впечатлений лазил по палубе, Элия весело щебетала с Мелиором, одновременно по профессиональной привычке строя глазки симпатичному капитану, а принц следил за тем, как исчезает за горизонтом порт Лоуленда, случилось ЭТО. На пирс, разогнав толпу грузчиков, моряков, купцов и кучу прочих разномастных личностей, наводняющих порт, прискакал лорд Нрэн. Круто осадив коня, он впился вдаль безумным взглядом пронзительных желтых глаз. Кокон тишины окружил лорда, ему не было дела до людских толков и мириад запахов – соли, водорослей, йода, воды, рыбы, редких пряностей, человеческого пота, витавших в воздухе, лишь одна боль заполнила сознание мужчины.

Бог был готов рвать и метать: рвать всех, кто попадется под руку, и метать их вдогонку уходящему кораблю. Элия уплывала с Мелиором! Вдвоем на одном судне...

«Впрочем, – осенило мстительного лорда, и яростный огонь в глазах стал тлеющими угольями, – с ними этот надоедливый щенок Лиенский. Можно не сомневаться, что он будет путаться у Мелиора под ногами и доставать своими сумасшедшими выходками. Так ему и надо! – Нрэну стало немного легче, но все равно на душе скреблись мантикоры. – Какой я дурак, какой дурак!» – билась в голове мужчины назойливая мысль.

Почему он дурак и как это связано с отъездом Элии, лорд, как всегда, уточнить не изволил.

Глава 4

Морские забавы, кое-что о рыбалке, или Герцог Лиенский в действии

Лучась радостным самодовольством, Мелиор показывал сестре корабль. За ними по пятам, всюду суя любопытный нос, следовал герцог Элегор, не обращая никакого внимания на многозначительные, словно невзначай оброненные намеки принца насчет нежелательного присутствия отдельных личностей. Маска радушного хозяина, надетая по требованию этикета, мешала Мелиору более явно выразить собственное неудовольствие, дабы не унизиться до пошлого препирательства.

Не считая явного нежелания оставить наедине Элию и принца, юный герцог вел себя на удивление прилично. Элегор мысленно затаптывал ростки уважения к высокомерному Мелиору, проклянувшиися после того, как узнал о том, что яхта сделана по чертежам принца. То, что блондинистый неженка настолько хорошо разбирается в кораблестроении, стало для самолюбивого герцога неприятным сюрпризом, лишний раз напомнившим ему о собственной молодости и досадной неопытности. Чтобы получить такую уйму знаний, какой обладали принцы, прожившие не одно столетие, и столькому научиться, у Элегора пока просто не хватало времени, хотя он очень старался быть всюду и знать все. Но ни распаться на тысячи герцогов, ни пребывать в состоянии чистой энергии, подобно всевидящим Силам и Творцу, юноша, к собственному сожалению и невыразимому облегчению прочего населения миров, не умел. Поэтому, подавив зависть, герцог Лиенский отдал мысленную дань признания Мелиору. Как ни крути, а яхта того стоила.

После экскурсии по палубе принц предложил навестить каюты. Он показал сестре и юноше отведенные им комнаты, гостиную, бар с набором таких редких вин, что при виде них у Элегора страстно разгорелись глаза, уютную диванную с музыкальными инструментами, набором настольных игр для развлечения и небольшой, но ценной библиотекой. Дорогая удобная мебель, прелестные безделушки, любая из которых стоила целое состояние, статуэтки, картины – каждая мелочь безукоризненно вписывалась в интерьер, создавая неповторимый стиль, производящий общее впечатление изящной хрупкости и комфорта.

Принцесса не поскупилась на восторженные комплименты вкусу хозяина, чем немного поумерила досаду брата на незапланированное присутствие герцога Лиенского.

По окончании осмотра, когда Элия собралась уединиться в своей каюте, чтобы разоблачить вещи, принц вежливо объяснил Элегору, что, к сожалению, на яхте не работает заклинание прямой телепортации и телекинеза (ничего и никого нельзя переместить на нее, кроме продуктов), чтобы не нарушать баланс корабля. Заклинание же обратной телепортации для малогабаритных предметов, чья масса не превышает массы человеческого тела, работает превосходно, а значит, покинуть яхту, если на то будет необходимость, можно в любой момент. Элегор «не понял» намек и так же вежливо попросил у Мелиора пару рубашек и брюки взаймы, пообещав по возвращении компенсировать все расходы в пересчете на лиенские вина или звонкие короны, как принцу будет угодно. Элия охотно поддержала просьбу герцога. Под давлением обстоятельств соблазненный обещанными винами «великодушный» хозяин нехотя согласился. По достижении консенсуса принцесса отправилась переодеваться и обживать в каюте, а принц – оделять герцога некоторой частью своего великолепного гардероба, с которой скорбно простился насовсем. Мелиор приготовил в это путешествие свои лучшие новые туалеты, но носить их после безумного герцога было делом немислимым! Лучше сжечь, чтобы не подхватить бешенство. Принц и свои-то одежды редко когда примерял по несколько раз.

Богиня любви нашла свою каюту приятной: небольшая – зачем огромные комнаты на милom, маленьком (по меркам королевской семьи) судне, – но очень красивая, в теплых золотистых с малым вкраплением черного тонах, с эндорским ковром на полу и изящной мебелью стиля эль-эстик. Ее символика, отражающая образы существ темной стороны, манящая и ужасающая одновременно, в резьбе, инкрустации и сопутствующих аксессуарах всегда нравилась Элии. Мелиор безупречно тонко последовал вкусу сестры.

«Интересно, он настолько точно рассчитывал, что я соглашусь на это путешествие?» – мелькнула у принцессы мысль. Сознать свою предсказуемость для непостоянной богини было неприятно. В конце концов Элия пришла к выводу, что брат не был уверен в ее согласии, но очень на него надеялся, для чего и устроил все приготовления.

Распаковав багаж и полюбовавшись каютой, богиня собралась подняться на палубу. Там стояли, как она заметила ранее, большой тент и несколько мягких шезлонгов, на которых было бы так приятно поваляться, подставляя тело прохладному освежающему бризу и прогретому солнцем воздуху. Безупречно матовая кожа принцессы не нуждалась в загаре. Элия вовсе не собиралась жариться под прямыми солнечными лучами, неопасными, но в больших дозах неприятными для того, в чьих жилах есть кровь вампира, даже Высшего вампира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.